

Коваленко С.И., Кетрару Н.А.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЙ В ДНЕСТРОВСКОЙ ЗОНЕ МОЛДАВИИ

Covalenco S.I., Chetraru N.A. Some peculiarities of the development of the Upper Palaeolithic industries in the Dniester region of Moldova.

The comparison and analysis of the data, accumulated by now in respect of the Upper Palaeolithic sites of the Moldavian Dniester area permit considering the process of cultural and historical development in this area on the basis of the contacts between two large technological and typological formations, represented by the Aurignacian and Gravettian technocomplexes. Inside the former one it is outlined the cultural and genetic continuity from the Lower Dniester archaeological culture (Climautsi I, Zelyony Khutor I and II) along two lines: from Climautsi I to the lower and then to upper layer of Climautsi II, continue in Rashkov VIII and VII, and from Zelyony Khutor II to Kamenka, Usatovo and Calfa. The loss of the cultural specific character by the early sites at the middle stage of the development (Climautsi II) is due to the influence of the carriers of Molodova` cultural traditions, forced to migrate under the circumstances of the increasing stadial fall of temperature. The penetration of the representatives from the Central European circle of the Sagaydak type sites into the zone of Southern Russian steppes is observed by the end of the Early Ostashkovo period. In the Dniester area the alien Aurignacian traditions are superimposed on the local industry, that functions within the frames of the same technocomplex. This process results in the formation of the original Rashkov culture with a developed Aurignacian tool set.

The different line of the Upper Palaeolithic development in the Dniester zone is reflected in the materials from the sites of Gravettian technocomplex. The earliest from them probably proceed the coldest stage of the Ostashkovo Glacial period. The decrease in number of the well-known sites in the Molodova archaeological culture area and the presumed outgoing of the population to the Southern part of the Middle Dniester area and to the valleys of the rivers Reut, Ikel and other tributaries of the Lower Dniester are observed by the beginning of this period. The migration of the carriers of Molodova cultural tradition was reflected in the inadequate reproduction of its peculiar features. It is confirmed by the insignificant cultural character by defining the sites of the Iorjnitsi, Cureshnitsi, Ciutuleshti, Reci and other types. A number of features, inherited from the Molodova community are met with the Cosoutsu cultural variety, that was under the strong influence of the Anetovo cultural tradition carriers at the stages of its formation and successive development. The continuation of the Gravettian traditions can be reflected in the peculiar character of the Late Molodova culture, whose perception variability embraces the sites of Vadu-Rashkov, Ataki I and II, that are close this culture.

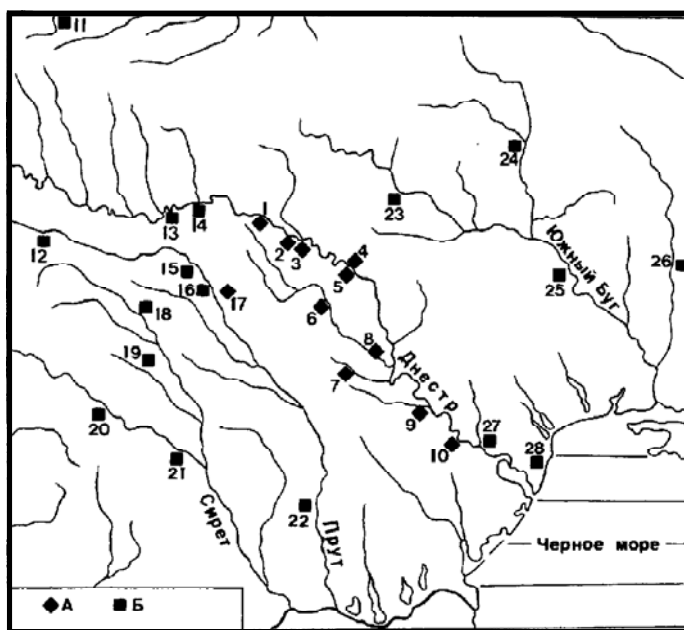
Первые научные исследования по палеолиту Молдавии нашли свое отражение в миграционистической концепции Н.Морошана (1938) и в многоступенчатой схеме развития А.Черныша (1959), в основу которых легла западноевропейская периодизация и представления о стадильном развитии верхнего палеолита. Их идеи были продолжены в трудах Н.А.Кетрару (1969, 1973) уже на более широкой источниковедческой базе. Именно Н.А.Кетрару впервые выделяет две главные хронологические группировки памятников и определяет культурную принадлежность многих из них (атакские стоянки соотнесены с конкретными этапами развития молдавской археологической культуры, а рашковские памятники представлены как оригинальные индустрии, развивающиеся на ориньякоидной основе).

Подробная схема культурно-исторического развития отражена в работах Г.В.Григорьевой (1975, 1980). В рамках её первого этапа выде-

ляются две линии развития, одна из которых связана с днестровской индустрией Климауц I. На втором этапе отмечаются три технико-типологические группы стоянок, предположительно рассматриваемые как три археологические культуры (рашковская, йоржницко-курешницкая и костештско-атакская) со всеми присущими им атрибутами.

Пристальное внимание проблеме периодизации палеолитических памятников нашего региона уделял И.А.Борзьяк (1983). В разработанной им четырехступенчатой схеме развития, первая хронологическая группа представлена на Днестре Климауцами I и Зеленым Хутором II. Отмечая связь этих памятников с мустье региона, И.А.Борзьяк подчеркивает ориньякоидный характер их индустрий. Вторая и третья хронологические группы характеризуются памятниками в бассейне Прута и Реута. Последняя группа расчленяется на четыре подразделения, в двух из которых присутствуют днест-

Рис. 1. Карта распространения верхнепалеолитических памятников в Молдавском Поднестровье и на сопредельных территориях (А — стоянки Молдавии; Б — стоянки Украины и Румынии. 1 — Атаки I и II; 2 — Йоржница, Курешница; 3 — Косоуцы; 4 — Рашков VII и VIII; 5 — Климауцы I и II, Ваду-Рашков; 6 — Чутулушты; 7 — Реча; 8 — Скок; 9 — Калфа; 10 — Чобручи; 11 — Куличивка; 12 — Замостье; 13 — Молодова V, Бабин I; 14 — Молодова I, Кормань IV; 15 — Миток Малул Галбен; 16 — Стынка Рипичень; 17 — Костешты; 18 — Доро хой; 19 — Удешть; 20 — Чахлэу-Дырцу, Чахлэу-Бофу Мик, Чахлэу-Подиш; 21 — Буда; 22 — Мэлуштеня; 23 — Лески, Ивашково VI; 24 — Владимировка; 25 — Анетовка I и II; 26 — Сагайдак I; 27 — Зеленый Хутор I и II; 28 — Большая Аккаржа.

ровские памятники из атакского и рашковского микрорайонов. Его представления во многом совпадают с выводами Г.В. Григорьевой, в частности, о схожести характерных черт Атак I, Атак II, Костешт I и верхних слоев в Молодова V. Дальнейшее развитие получает тезис о позднеледниковом возрасте Рашкова VII. Проводятся параллели между рашковской индустрией и памятниками причерноморских степей, с выделением аналога в виде комплекса Ивашково VI.

Характеристика материалов рассматриваемой зоны затрагивается в обобщающих работах Г.П. Григорьева (1970), В.Н. Станко

(1982, 1989), А.Н. Погачева и М.В. Аниковича (1984), И.В. Сапожникова (1994, 1995).

Оформление источниковедческой базы и плодотворные исследовательские разработки по верхнему палеолиту региона допускает освещение многих аспектов процесса культурно-исторического развития. Свое выражение это находит во взаимодействии двух ведущих технокомплексов (ориньякоидного и граветтоидного), содержание которых раскрывается через уточнение характера и динамики эволюции отдельных археологических культур и вариантов.

Ориньякоидный технокомплекс

Становление верхнепалеолитической индустрии в рассматриваемой зоне можно проследить на примере нижнеднестровской археологической культуры. Три опорных ее памятника — Климауцы I, Зеленый Хутор I и II (рис. 1:5, 27) — демонстрируют ряд особенностей, позволяющих отнести её к ориньякоидному технокомплексу. Именно, в рамках данного технокомплекса, наблюдается дальнейшая трансформация культурного наследия ранних памятников.

Вопрос о времени формирования и генетических корнях нижнеднестровской культуры остается открытым. Тем не менее, не вызывает серьезных возражений ее связь с ранней порой верхнего палеолита по типологическим критериям. Среди разных подходов к проблеме происхождения индустрии Климауц I — Зеленый Хутор I и II наиболее аргументирована концепция преемственности от зубчатого мустье типа Стынки I (Анисюткин 1969), при констатации факта существования широкой исторической общности на Нижнем Днестре и Дунае в конце среднего — начале верхнего палеолита (Анисюткин 1977; Станко 1982; Amirkhanov,

Anikovich, Borziak 1993).

Индустрии всех трех памятников во многом сходны как по структурной упорядоченности их коллекций, так и по устойчивому сочетанию типичных форм изделий (табл. 1). Естественно, не все культуроопределяющие параметры в равной степени отражены на каждом из памятников. Учитывая факт сбора находок с поверхности, вполне допустимо отсутствие отдельных типов изделий на конкретном памятнике, в то же время характерных для культуры в целом. Для нижнеднестровской археологической культуры свойственно:

* обязательное присутствие дисковидных, шаровидных, кубовидных или аморфных ядрищ среди значительной подборки подпризматических форм, при ведущей роли отщеповой заготовки, используемой при изготовлении орудий;

* численное превосходство скребков (табл. 1), обилие высоких форм, присутствие специфических — ладьевидных или массивных стрельчатых, с носиком, с перехватом, каренэ и с лезвием на ударной площадке отщепов;

* сочетание низких и высоких острий, вклю-

чающих так называемые острия климауцкого типа (на толстых отщепах с коротким массивным жалом, выделенным с двух сторон; рис.2:13);

* распространенность зубчато-выемчатых и архаичных форм орудий, иногда дополняемых удлиненными бифасами;

* представительность срединных резцов, прежде всего многофасеточных и нуклевидных, а также комбинированных со скребками;

* отсутствие микропластинок с притупленным краем.

И.В.Сапожников полностью отрицает наличие в материалах Зеленого Хутора I и II каких-либо дисковидных и шаровидных нуклеусов, существенно сокращает процент зубчато-выемчатых форм (до 7% в Зеленом Хуторе I и 4% в Зеленом Хуторе II), а бифас (Станко 1980, рис.2:2) и двусторонне обработанное орудие

(Красковский 1978, рис.5:12) считает обломком призматического нуклеуса или поздней примесью. Отмечая близость зеленохуторских комплексов между собой, он подчеркивает наличие большого количества скребел в первом из них, присутствие высоких скребков с перехватом и подокруглых, резцов угловых и нуклевидных, пластин с подтеской и долотовидных изделий только во втором, указывая на вероятную причину этого в меньшей представительности коллекции Зеленого Хутора I (Сапожников 1994).

При одинаковом показателе индекса высоких скребков, в том числе с носиком и стрельчатых, также как острий и резцов, лишь в Климауцах I достоверно присутствуют бифасы, пластины с ориньяжской ретушью по большей части периметра и пластинки с мелкой краевой ретушью (Борзияк 1981). Дополнительный просмотр климауцкой коллекции позволил выявить

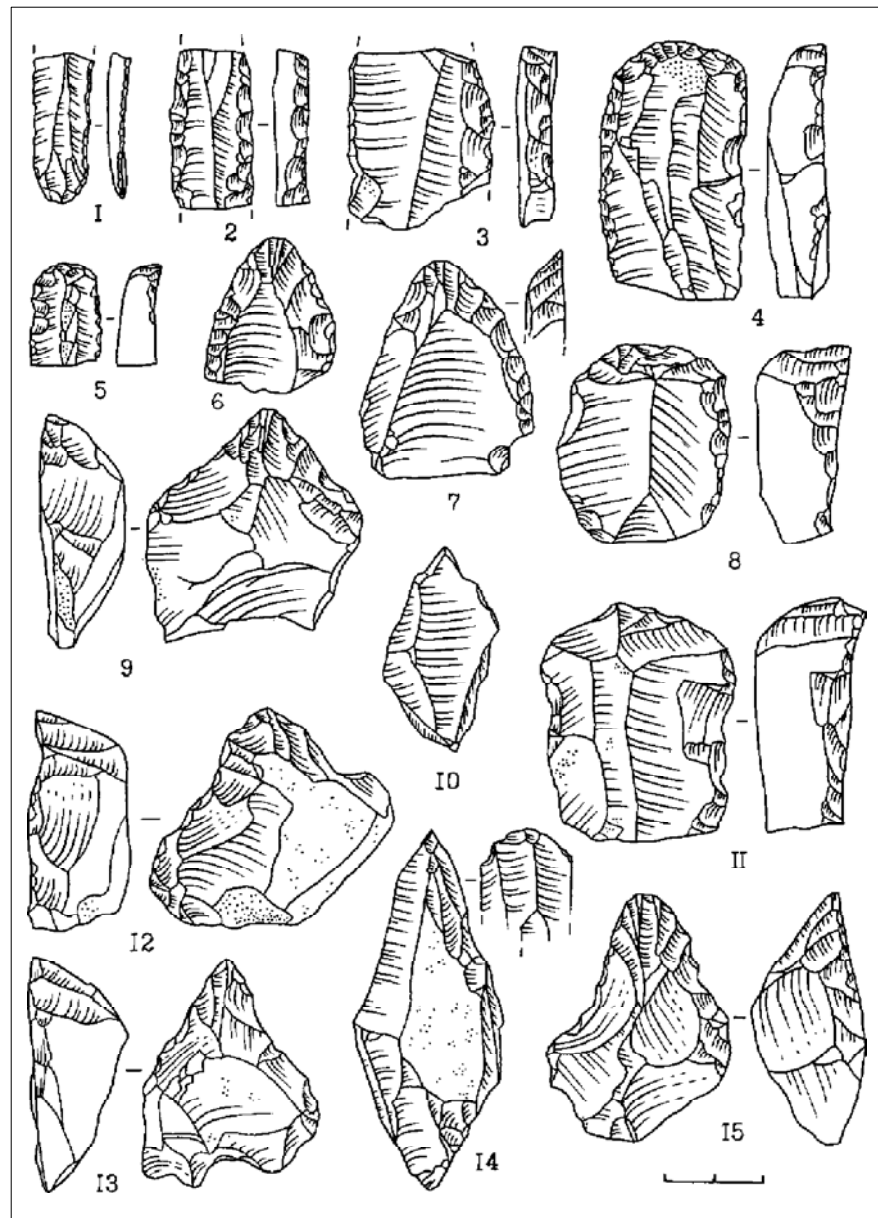

Рис. 2. Климауцы I. Кремневые изделия.

единичный скребок высокой формы с небольшим перехватом.

Высокий коэффициент сходства прослеживается между Климауцами I и подъемными материалами с местонахождения Скок (рис.1:8) на р.Реут (всего в 8 км от Днестра) ранее соотносимого с группой брынзенских памятников. Это находит свое выражение в подпризматической технике скалывания массивных и аморфных отщепов (Борзияк, Коваленко 1987:21-25; Chirica, Borzias, Chetaru 1996:66-69), сочетаемости архаичных форм (бифасов, скребел, клювовидных орудий, изделий типа раклет) с верхнепалеолитическими (численно преобладающими скребками, прежде всего высокой формы и одного нуклеидного, а также менее характерными резцами, вогнуторетушными и срединными), большом проценте зубчато-выемчатых форм. При этом, на Скоке не нашли распространение плоские нуклеусы параллельного сня-

тия, характерные для нижнего слоя гота Брынзены, нет здесь и типичных остроконечников, относительно мало скребел, как правило, мелких и невыразительных, и, наконец, отсутствуют пластинки с крутой ретушью по краю. В то же время, заметную долю составляют скребки на широких отщепах, а техника первичного раскалывания включает долечное расщепление. Сравнение с нижнеднестровским комплексом опять же указывает на не меньшее сходство, при определенном различии. Указание на типологическую связь Скока лишь с Брынзенами I, по причине отсутствия в первом острей климауцкого типа, представляется не очень убедительным.

Дальнейшая судьба памятников нижнеднестровской культуры рассматривалась двояко. С одной стороны, В.Н.Станко, кладя в основание генеалогической цепочки материалы Зеленого Хутора II, пытался конкретизировать ход

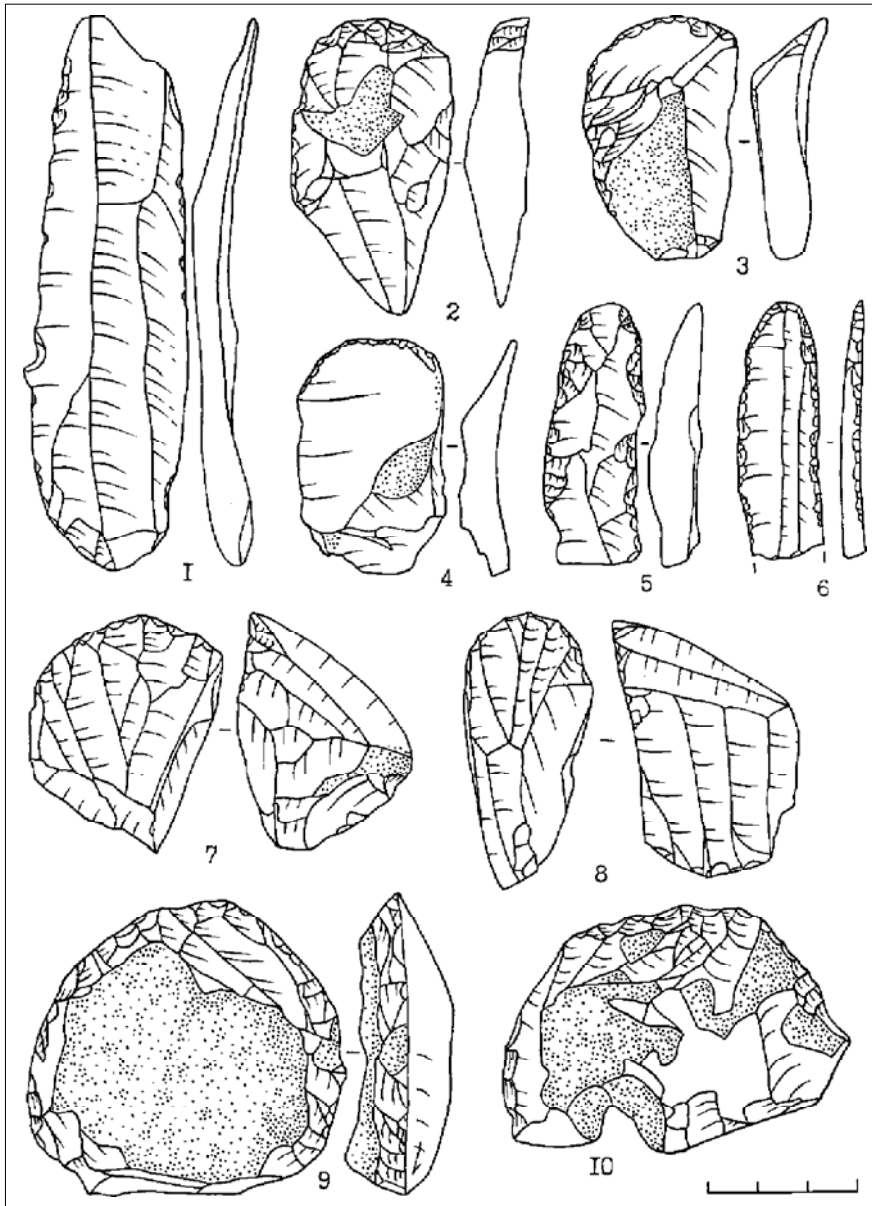

Рис.3. Климауцы II. Кремневые изделия из нижнего слоя.

развития через последовательную смену трех этапов. Процесс автохтонного развития дошел до финального палеолита, когда он прерывался проникновением в Нижнее Приднестровье инородных традиций типа Большой Аккаржи (Станко 1982). Концепция В.Н.Станко утратила свою актуальность после апробирования новой периодизационной схемы, основанной на стратиграфической колонке из Южного Побужья, с которой соотносится ряд памятников Нижнего Приднестровья (Станко, Григорьева, Швайко 1989; Смольянинова 1990). По нашему мнению, первоначальная схема В.Н.Станко не лишена рациональности. По крайней мере, отметим принципиальную взаимосвязь, существующую между зеленохуторским комплексом и более поздним памятником Каменкой, сопоставимого с Усатово, который, в свою очередь, по отдельным критериям стыкуется с Чобручами.

С другой стороны, направленность развития нижнеднепровской культурной общности подводилась под рамки ориньякоидного технокомплекса. В одном случае, конкретизировалась ориньякоидность орудийного набора Климауц I и более поздних рашковских стоянок, подчеркивались аналогии по высоким формам (Григорьева 1975), но не делалась попытка увязать их напрямую, в виду отсутствия промежуточного звена из памятников средней поры верхнего палеолита. Во втором случае, определение ориньякоидности зеленохуторских материалов (Сапожников 1987) подразумевало вероятность аналогий с высокими скребками из Рашкова VII.

Исследование стоянки Климауцы II (рис.1:5) в 1989 г. частично восполнило существующий пробел во времени между нижнеднепровскими и рашковскими памятниками. Действительно, по ряду критериев можно говорить о преем-

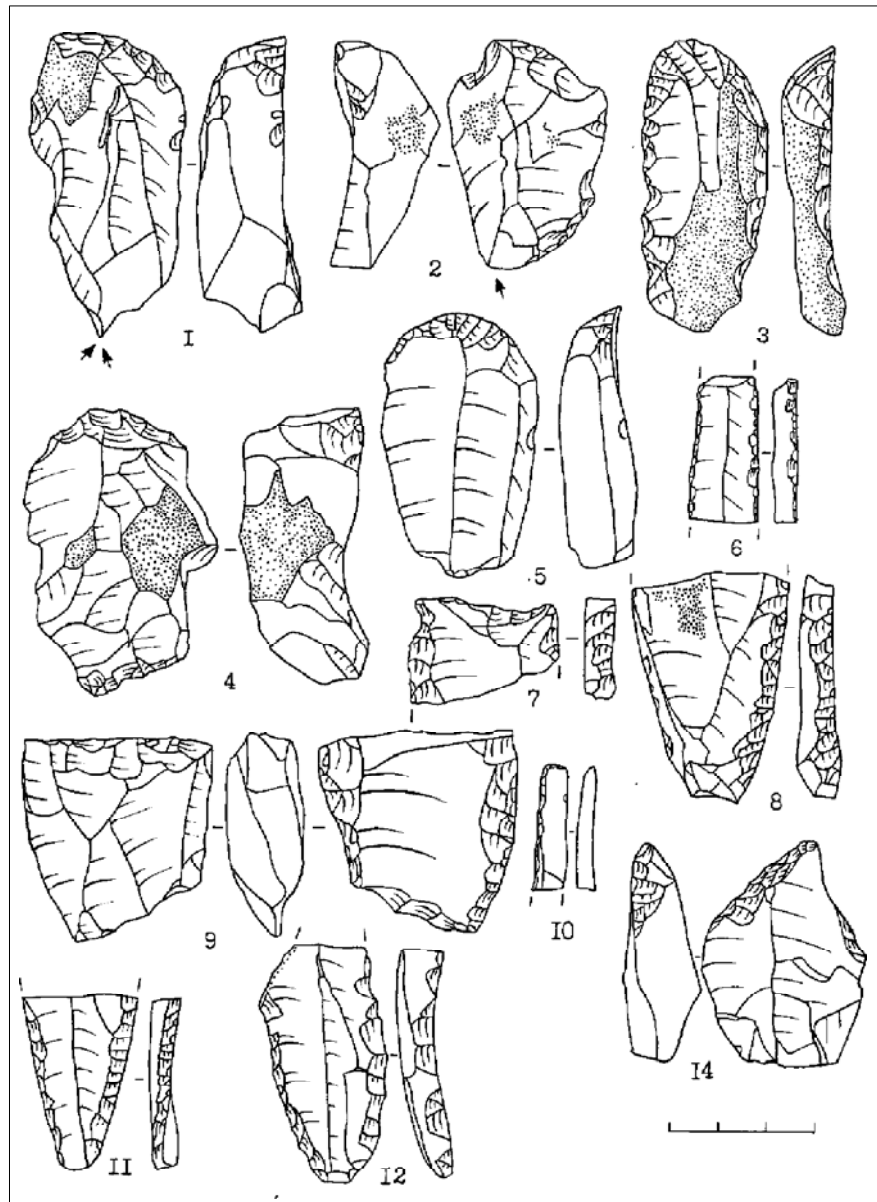

Рис.4. Климауцы II. Кремневые изделия из верхнего слоя.

ственности, перерождении одного в другое. В то же время, детальное сопоставление не позволяет определять прямую культурную трансформацию.

Вначале представим свидетельства, подтверждающие континуитет. Они касаются внутренней упорядоченности сравниваемых объектов на уровне категорий и субкатегорий. Их анализ подводит к определению, согласно которому наиболее высокие коэффициенты сходства (вычисленные по 107 верхнепалеолитическим памятникам региона) прослеживаются в строгой последовательности от Климауц I к нижнему слою Климауц II, от нижнего слоя этой стоянки к верхнему, а также Рашкову VIII, от верхнего слоя Климауц II к Рашкову VIII, от Рашкова VIII к Рашкову VII. За высокими коэффициентами и процентными соотношениями стоит конкретная сопряженность между комплексами, направленность в накоплении или сниже-

нии количественных параметров того или иного признака. Нетрудно заметить и ряд важных тенденций (табл.1). На фоне плавного сокращения доли архаичных форм от 17% в Климауцах I до 0,4-0,8% на рашковских стоянках, а также снижения процента изделий с подтёской и двусторонней обработкой, заметно возрастание представительности боковых резцов (от 4,5 до 15-19%) и микроизделий с краевой ретушью (более 12%), при устойчивости диагностического компонента из скребков высокой формы на уровне 10-15% (меньший показатель только в верхнем слое Климауц II). Как первое явление, связанное с последовательным изживанием традиций предшествующей эпохи, так и последующие, вполне вписывающиеся в общий ход развития ориньякоидных индустрий региона, демонстрируют целостность, взаимосвязанность в процессе развития и отсутствие явных структурных деформаций, определяющих сме-

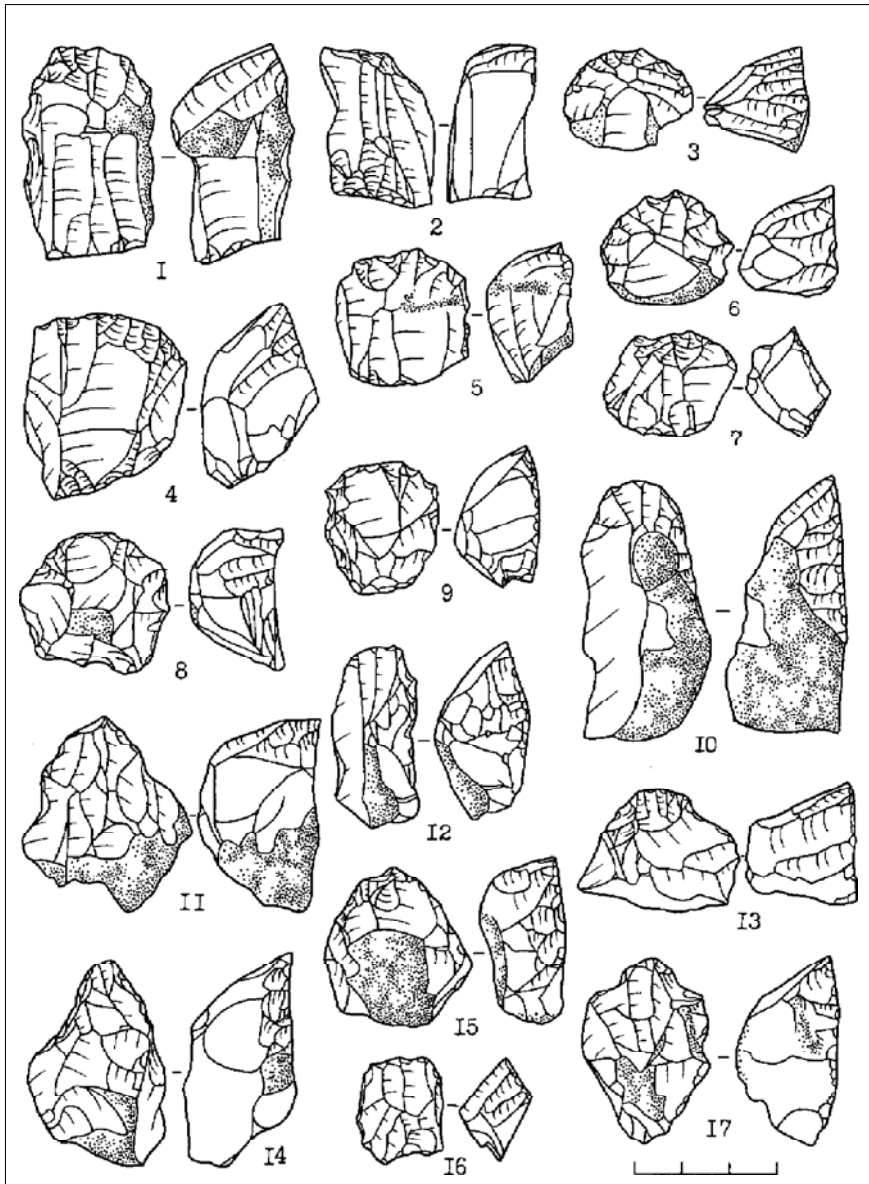

Рис.5. Рашков VII. Кремневые изделия.

ну ориентиров в культурном контексте.

Типологический анализ материалов нижнего слоя Климауц II (рис.3) показал, что не менее половины всех изделий со вторичной обработкой изготовлено на отщепах, при этом выразительны скребки-нуклеусы, скребок каренэ и экземпляр с остроконечным лезвием, из резцов эффектны срединные двойные, многофасеточные и один подготовленный на пластине с ориньякской обработкой. Относительно много скребел, включая экземпляры на отщепах с выпуклым или полукруглым лезвием. Единична микропластинка с притупленным краем.

Верхний слой Климауц II (рис.4) имеет еще меньшее сходство с памятниками нижнеднепровской культуры. Он содержит призматические нуклеусы, в сочетании с аморфными ядрищами, равное соотношение орудий на отщепах и пластинах, при изготовлении большинства скребков и резцов на пластинчатых отщепах. В

его коллекции отмечены скребки высокой формы и с носиком, двойной нуклевидный скребок, срединные многофасеточные резцы и пластины с ориньякской обработкой, некоторые с краями сходящимися к основанию. Крайне мало обработанных микропластин.

Перечисленные особенности обоих комплексов не содержат культурного своеобразия нижнеднепровских памятников. Если присутствие скребков-нуклеусов и скребка каренэ, в одном случае, скребков высокой формы и с носиком, в другом, несколько облегчает проводимое сопоставление, то отсутствие ладьевидных форм, экземпляров с перехватом и на ударных площадках, высоких острий, превосходство резцов в коллекции, распространенность массивной пластинчатой заготовки, более тщательная отделка и стандартизация орудийного набора, совершенство обработки единичных микроорудий и отсутствие двусторонне подработанных

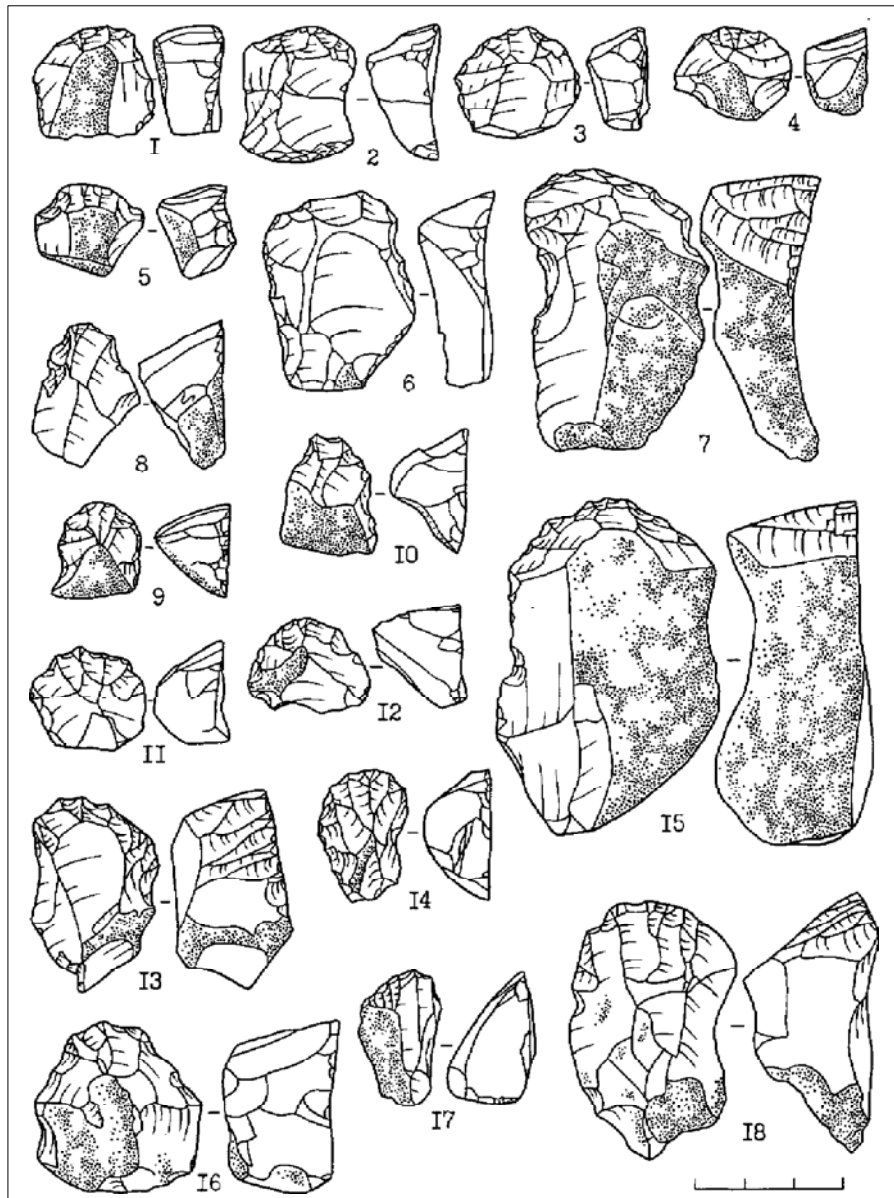

Рис.6. Рашков VII.
Кремневые изделия.

изделий противопоставляет Климауцы II ранним памятникам. Тем не менее, остается достаточно критериев, подтверждающих сохранение общей направленности развития в рамках единого технокомплекса.

Утрата отличительных черт памятников нижнеднепровской культуры не может объясняться только ссылкой на развитие индустрии во времени или малочисленностью коллекции нижнего слоя Климауц II (66 орудий). В верхнем слое этой стоянки найдено 232 орудия, но острый климауцского типа или ладьевидных скребков мы все-таки не наблюдаем. Вероятно, объяснение кроется в действии каких-то внешних факторов. Не может ли это быть связано с массовым передвижением носителей иных культурных традиций, например, из Центральной Европы, существенно повлиявших на состав орудийного набора памятников нашего

региона? Некоторые свидетельства действительно имеются. Так, крупная подвижка носителей традиций костенковско-виллендорфского единства из Центральной Европы в Восточную прослеживается как раз с конца брянского интерстадиала. Культурная атрибуция этого процесса, подкрепленная серией радиоуглеродных дат, не вызывает каких-либо сомнений. Влияние «виллендорфцев» распространяется до Среднего Приднестровья. В слое 7 Молодов а V, датированного $23\ 000 \pm 800$ и $23\ 700 \pm 320$, обнаружены наконечники с боковой выемкой, пластины с подтёской концов, близкие ножи костенковского типа и пластинки с выемкой у верхнего конца, сходные с ножами типа Ргани (Борзьяк 1997), не представленные на более ранних памятниках молодовской культуры. Любопытно совмещение датировки этого слоя с датой по Бердыжу ($23\ 430 \pm 180$), промежуточ-

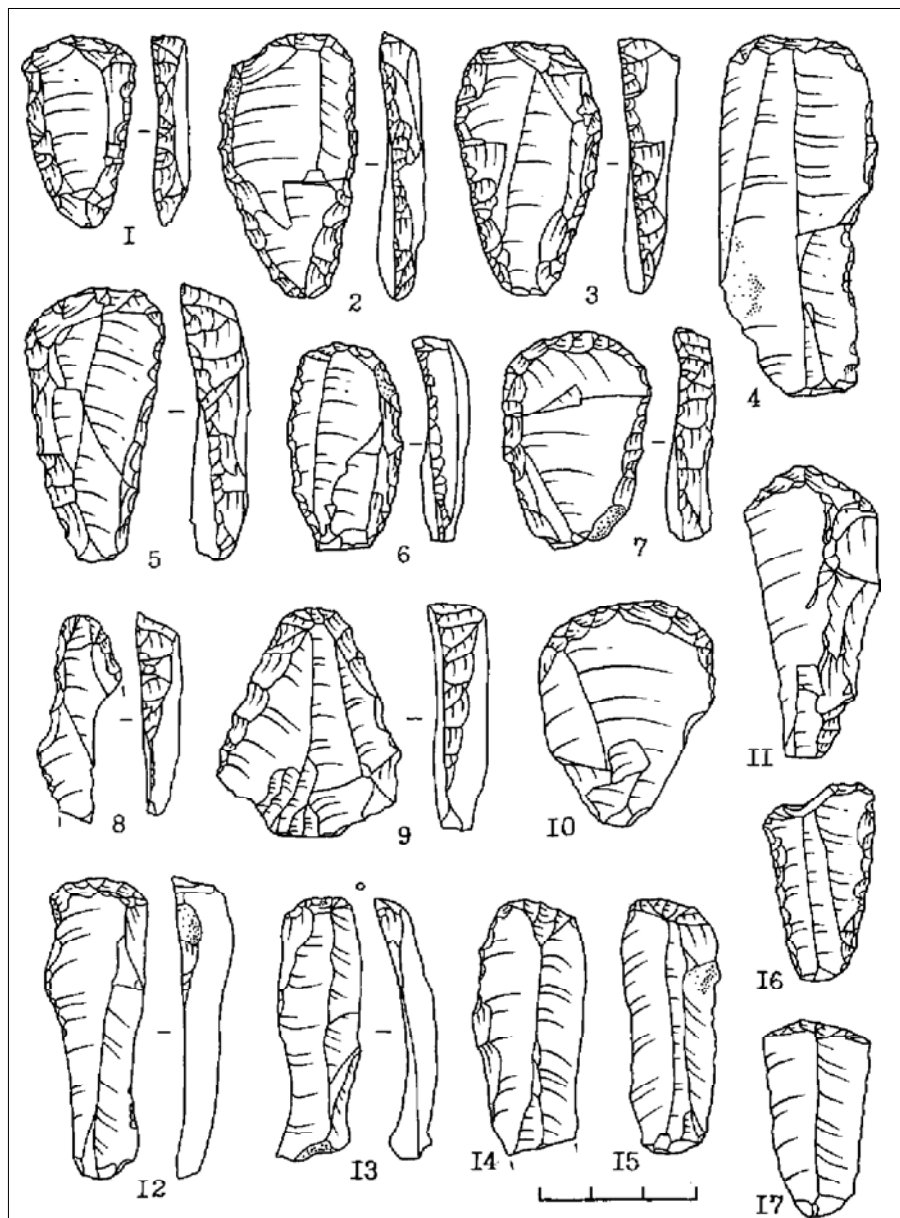

Рис.7. Рашков VII. Кремневые изделия.

ному звену в цепи широко развернувшихся в пространстве памятников виллендорфско-костенковского типа.

Еще одним свидетельством крупномасштабного проникновения носителей традиций центрально-европейского круга можно считать появление индустрии типа Сагайдак I (Станко, Григорьева 1977) в Южном Побужье (рис.1:26), ближайшим аналогом которого является комплекс Гура Пулавская (Krukowski 1939). Анализ материалов этих двух памятников, совместно с Мураловкой, подтверждает заключение о вероятности миграций с территории современной Польши в период внутривюрмских похолоданий. Необходимо признать вероятность периодичности волн таких переселений (Смолянинова 1990:91), косвенно фиксируемых по распространению сагайдакско-мураловских острий в Анетовке I и II, Золотовке I, Рашкове VII и VIII, Большой Аккарже и слоях 4-6 Владимирки

(Станко, Григорьева, Швайко 1989). Начало этого процесс определяется по дате, полученной для нижнего слоя Сагайдака I — $21\ 240 \pm 200$ л.н.

Таким образом, изменение культурной специфики Климауц II, в сравнении с Зеленым Хутором II и Климауцами I, поднимает целый спектр проблем и не может определяться однозначным отказом от преемственности или признанием континуитета. Предпочтительней указать на предопределенность в развитии, подчеркивая опосредованную связь между каждой парой памятников в цепи перехода от нижне-днестровской культуры к рашковской.

Очередная группа ориньякоидных памятников, соотносимых со средней порой верхнего палеолита, чье культурное своеобразие достаточно для выделения археологической культуры, представлена рашковскими стоянками (рис.1:4; Кетрару 1973; Григорьева, Кетрару 1973). Характерные черты этих памятников еще

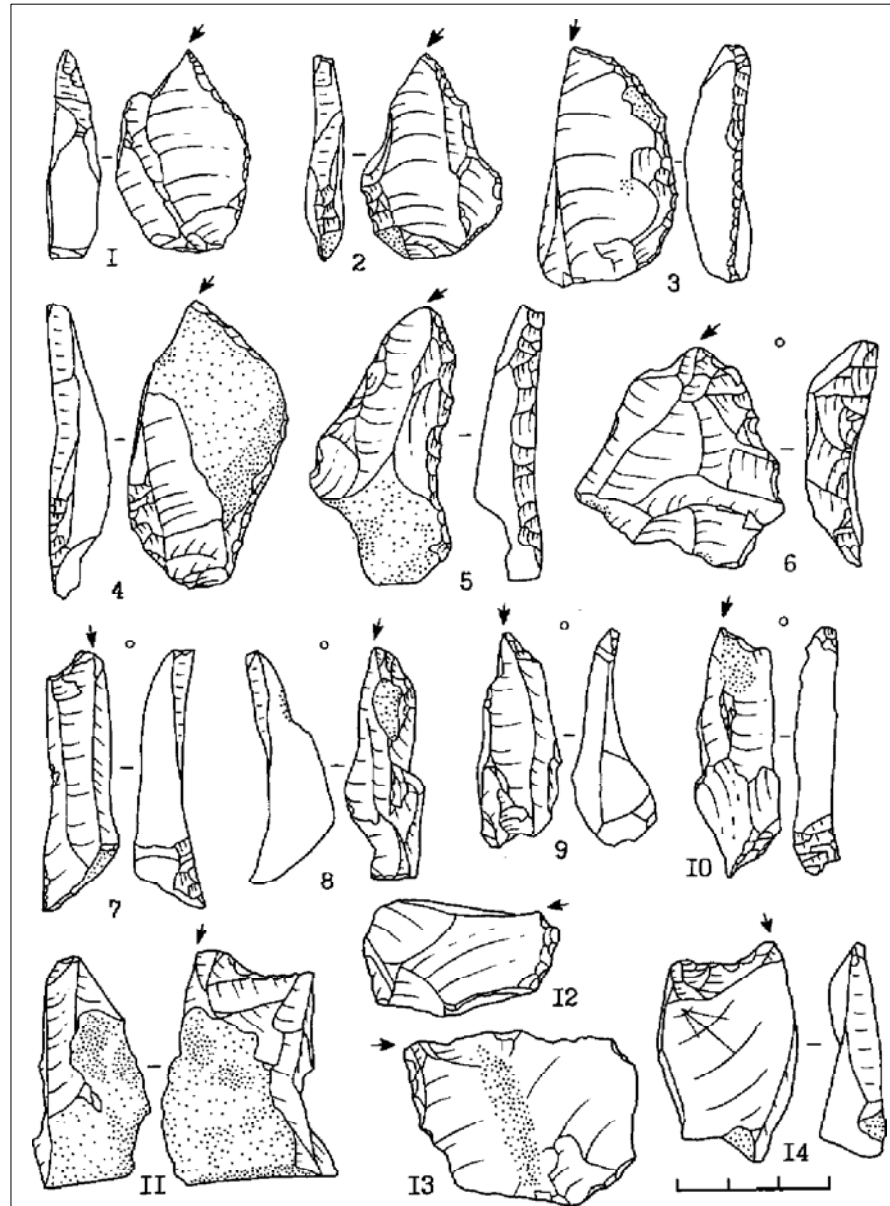

Рис.8. Рашков VII.
Кремневые изделия.

на этапе полевых исследований воспринимались как вполне весомые для выделения отдельного технико-типологического подразделения (Григорьева 1975). Дальнейшее рассмотрение индустрии Рашкова VII и VIII на более широком историческом фоне придает им статус самостоятельного культурного феномена (Рогачев, Аникович 1984). Конкретизируем некоторые особенности рашковской культуры :

1. Техника первичной обработки основана на одностороннем призматическом нуклеусе. Своего совершенства она достигает при скалывании пластинок с микронуклеусов и вторичных ядрищ. Многочисленны сработанные нуклеусы с уплощенным фронтом скалывания и конусовидные экземпляры с круговой огранкой. Единичны подклиновидные и дисковидные ядрища. Ведущей заготовкой выступает пластинчатый отщеп (44% по Рашкову VII и несколько меньший по Рашкову VIII). Сравнительно мал процент

использованных микропластинчатых заготовок;

2. Среди большого технико-типологического разнообразия скребков (рис.5-7) заслуживают внимания изделия с расходящимися к лезвию ретушированными краями, ладьевидные, микролитичные, близкие к полуокруглым, экземпляры на ударных площадках отщепов, на конце или ребре удлиненных краевых сколов, часто с высоким лезвием. Много укороченных форм. Распространены арочные, спрямленные, стрельчатые лезвия, иногда со слабо выделенным носиком или угловым расположением лезвия у скошенного ретушью конца. Не менее вариабельны скребки высокой формы на первичных отщепах, в том числе полуокруглые и с носиком. Нуклевидные скребки состоят из округлых (в том числе до 2 см в диаметре) экземпляров, каренз, двойных с двугранной тыльной стороной, изделий с носиком или узким вытянутым ламелярно оформленным лезвием;

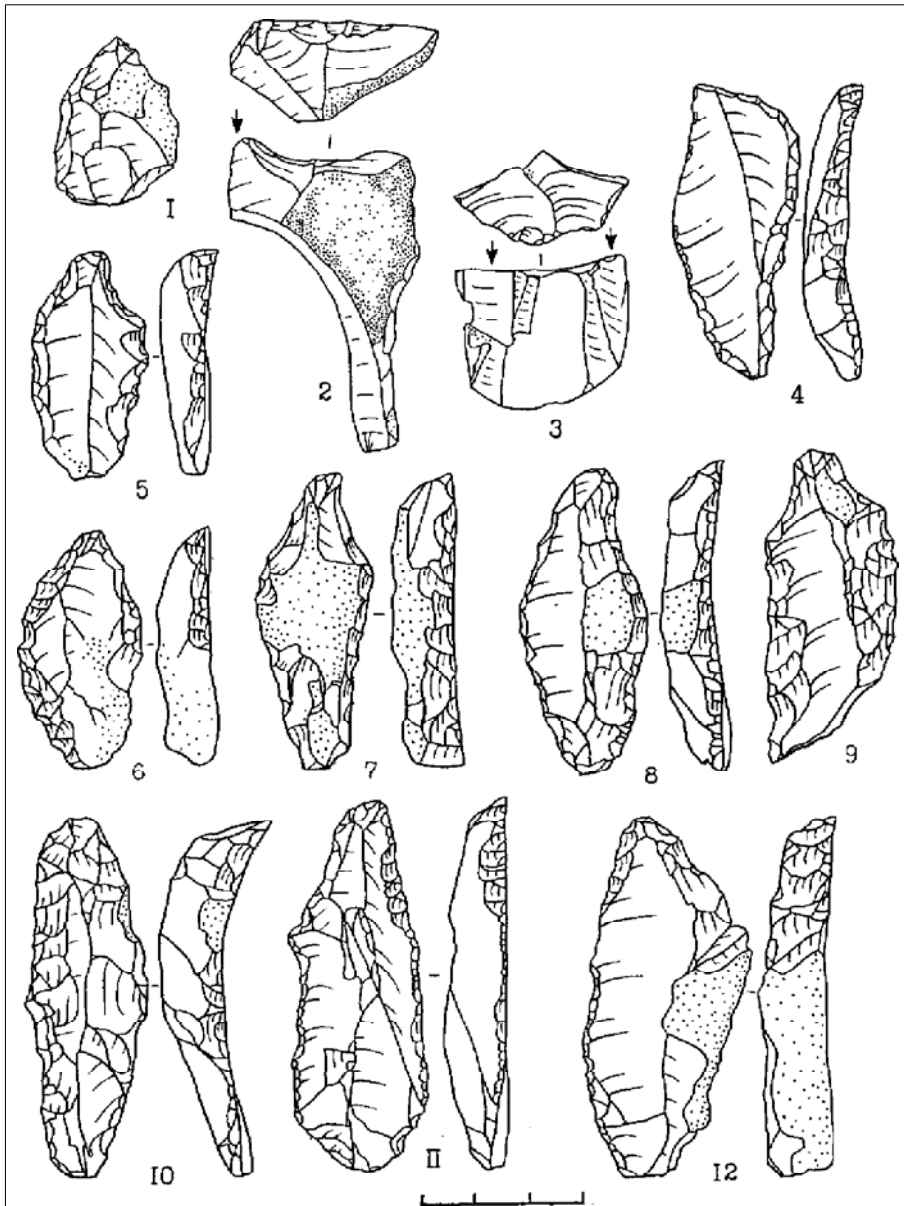

Рис.9. Рашков VII. Кремневые изделия.

3. Высоко стандартизованы косо- и переноретушные резцы, преобладающие в группе резцов (рис.8; 9:2,3). Серийны экземпляры с плавным переходом ретушной обработки на прилегающий край, иногда проработанным по длинной дуге. Обособлены боковые резцы с зубцом, шипом или угловым выступом, с высоким желобчатым лезвием, подправленным одним — двумя уплощенными резцовыми сколами (т.н. резцы-стамески). Крайне много двойных, тройных комбинированных форм, некоторые с интенсивной краевой ретушью, другие — с обработкой придающей им очертания прямоугольников и параллелограммов. Отмечены нуклеидные резцы с широкими резцовыми кромками, трудно отличимые от вторичных ядрищ, и двугранные формы на ретушированных отщепках, включая многофасеточные и с поперечным усечением нижнего конца;

4. Микролиты подразделяются на изделия с крупной усекающей ретушью по одному из краев и изделия с мелкой краевой ретушью, часто лишь подправляющей кромку. Обращают на себя внимание миниатюрные экземпляры, до 1 см в длину, с противоположащей ретушной обработкой краев, с плоской вентральной подработкой концов, включая прямоугольнички. Большинство микроострий обработаны мелкой нерегулярной ретушью, среди которых выявлены сагайдакско-мураловские формы на чешуйках или узких микропластинках (рис.11: 3, 21-23) и микропроколки с выделенными жальцами;

5. Устойчивым компонентом орудийного комплекса являются проколки. Выразительны массивные острия климауцкого типа, килевидные проколки с шиповидным жалом, проколки-сверла рашковского типа (рис.10:1,2). Наряду с ними

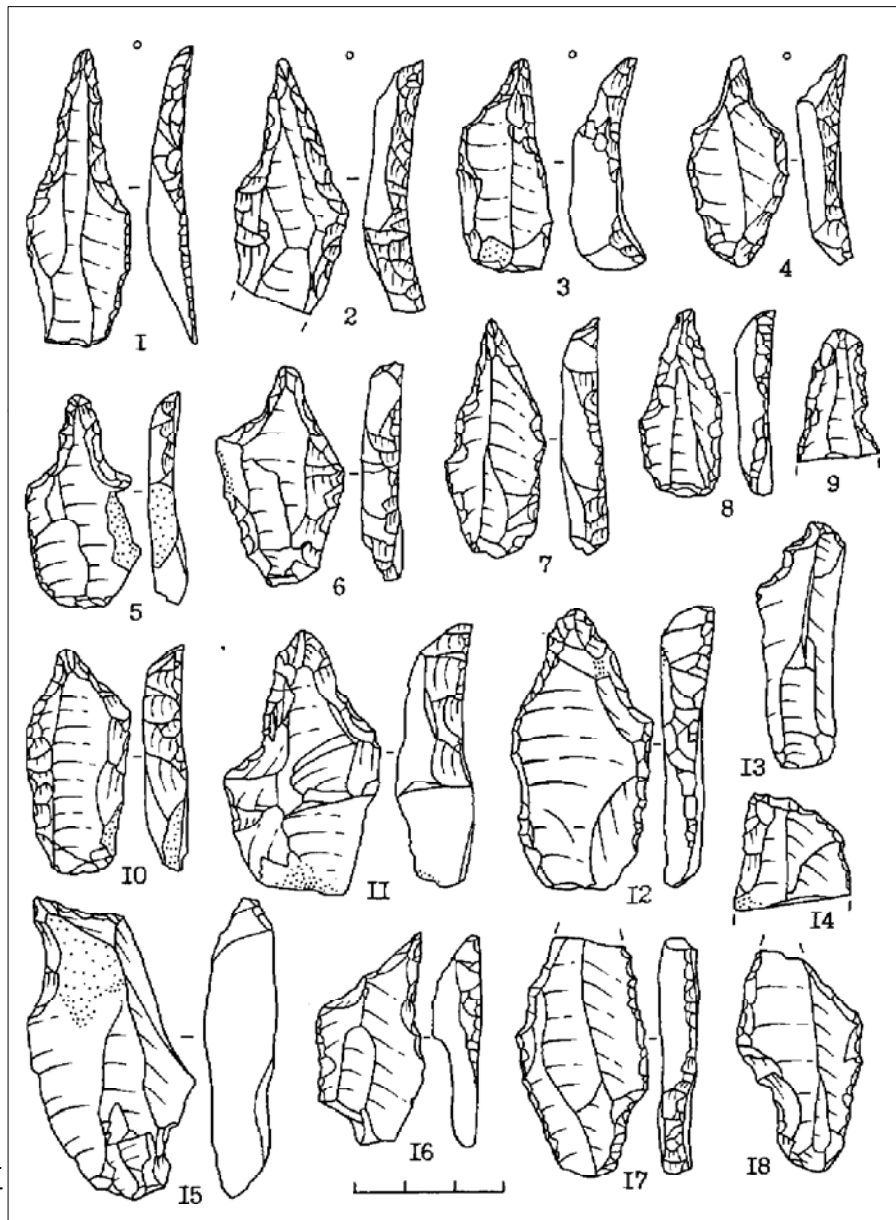

Рис.10. Рашков VII.
Кремневые изделия.

существуют острия угловые, косые симметричные с ретушью по двум краям, с массивным лезвием, близким к скребковому, а также проколки с коротким и шиловидным жалом;

6. Весьма оригинальны комбинированные орудия — полифункциональные изделия с зауженным рабочим концом, в частности, массивные скребки с носиком или стрельчатые на скреблах с дугообразным лезвием (рис.9:5-9), скребки-скобели, скребки в сочетании с остриями, проколками, резцами, единичные резцы с чешуйчатой подтеской;

7. Представительны ножевидные пластины с круговой ориньякской ретушью, отчасти с далеко заходящими на поверхность заготовки фа-

сетками, с расходящимися краями, изредка вентральной подтеской одного из концов. Встречаются изделия со скошенным ретушью концом, иногда сразу двух, скребла и выемчатые формы.

В качестве «руководящих ископаемых» для рашковской культуры могут выступать проколки-сверла с вытянутым тщательно выделенным жалом. Их сочетание с разнообразными нуклеидными скребками, скребками с круто ретушированными краями, ладьевидными и на ударных площадках, боковыми резцами с дугообразным краем или шипом, сагайдакскими и климауцкими остриями, пластинами с ориньякской обработкой, создает неповторимый облик, сво-

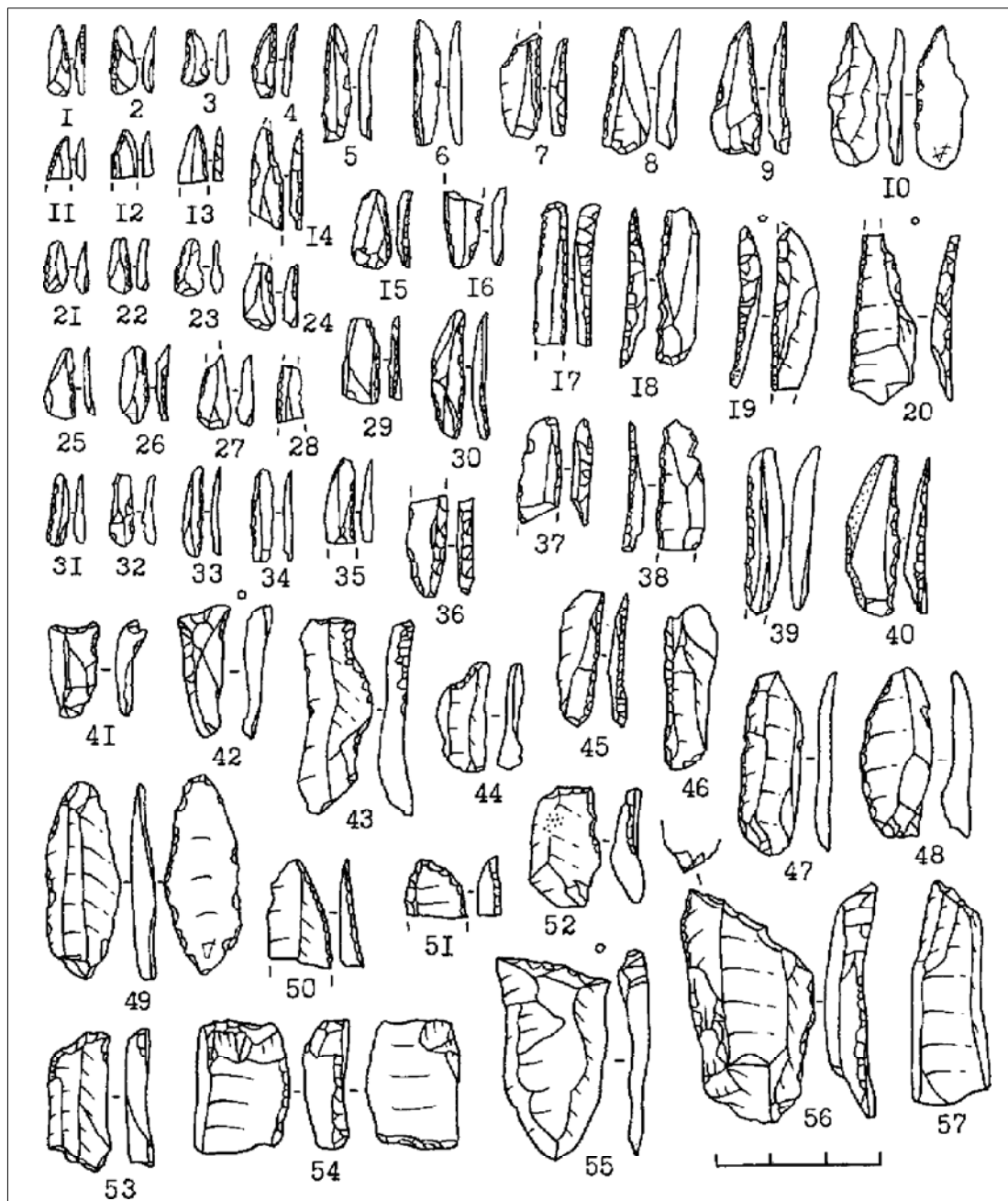

Рис. 11. Рашков VII. Кремневые изделия.

образный «код», по которому безошибочно определение культурной принадлежности.

Структурные соотношения в орудийном комплексе рашковских стоянок (табл.1) заслуживают специального рассмотрения. Резкое преобладание скребков в Рашкове VII (47% в выборке орудий с преднамеренно заданной формой), крайне высокий процент их килевидных разновидностей (29), соотносится со сравнительно малой долей резцов (32,5%) и ещё меньшей у микроорудий (12,3%). Такой высокий процент скребков можно наблюдать на граветтоидных памятниках субкарпатской Молдовы (30-45%), где, однако, незначительна доля килевидных

форм (2-5% и лишь на Мэлуштень IV — 10,8), много микроорудий (около 25%) и не столь характерны резцы (10-20%; Chirica 1989). Больше структурного сходства с коллекциями нижнеднестровских памятников, Калфы, Чобруч, Каменки и верхнего слоя Анетовки I.

Несколько иное соотношение между категориями орудий на Рашкове VIII. Здесь резцы составляют 61%, соответственно уменьшается значение скребков (24%, из которых 10% килевидные) и микроизделий (9%). Такой расклад на уровне категорий наиболее близок молодовскому сообществу (резцы 50-70%, скребки 15-20%, микроорудия 1-10%, хотя в слое 7 Моло-

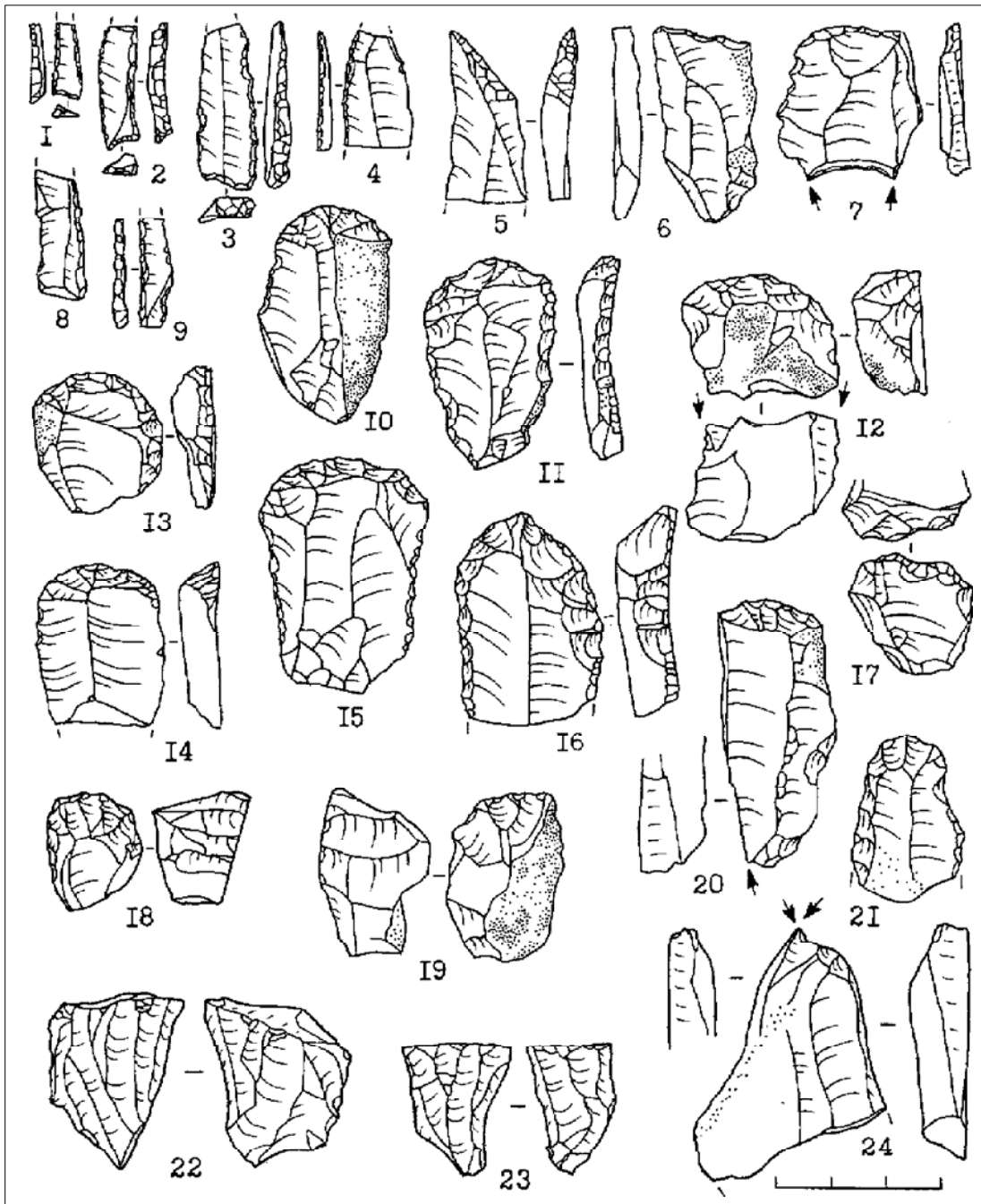

Рис.12. Калфа. Кремневые изделия.

дова V микролитов 21%), нижним слоям Косоуц и верхнему слою Климауц II.

Существенные различия в структурной упорядоченности орудийного набора Рашкова VII от Рашкова VIII можно объяснять воздействием инородных культурных традиций, носители которых вынуждены были сместиться к югу в период максимума осташковского оледенения. Ранее мы касались этой проблемы, отмечая вероятность влияния представителей центрально-европейского круга памятников на некоторые из днестровских индустрий. Не исключено наложение пришлых ориньякоидных традиций на нашу местную ориньякоидную индустрию, что и привело к формированию оригинального, ярко выраженного культурного феномена, каким является памятник Рашков VII. Своеобразие же Рашкова VIII, совместно с верхним слоем Климауц II, складывалось под воздействием не менее сильного влияния традиций уже распадающейся молододовской культуры.

Некоторая смещенность во времени этих двух главных процессов, объясняет появление комплексов со специфическими молододовскими чертами с конца раннеосташковского интервала и проникновение памятников типа Сагайдак в период максимального похолодания.

Актуален вопрос о дальнейшей судьбе традиций рашковской культуры. Отдельные её технико-типологические особенности прослеживаются в коллекции стоянки Калфы (рис.1:9). Индустрия этого памятника основана на отщеповой заготовке (44%), среди изделий со вторичной обработкой большую часть составляют скребки (39%), включая экземпляры высокой формы и нуклевидные, несколько меньше резцов — боковых, нуклевидных многофасеточных, срединных, но относительно высок процент микроорудий (19,5). При этом, культурная специфика Калфы, частично выраженная и через

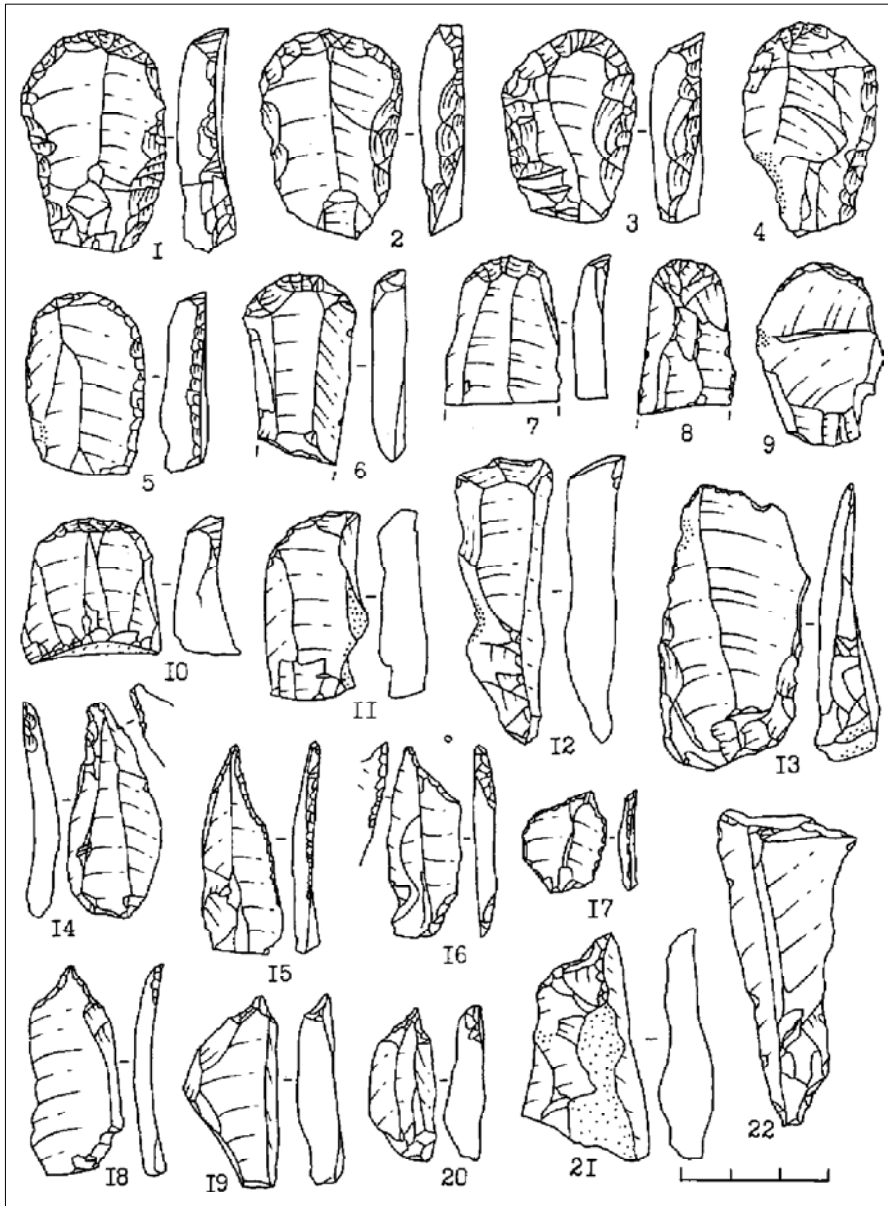

Рис.13. Косоуцы. Кремневые изделия из слоя 4.

граветтоидный микрокомплекс, прием поперечного усечения концов микропластинок (рис.12:1,2), единичные формы стрелчатых и ретушированных по двум краям скребков, не содержит ожидаемого проявления рашковско-го своеобразия.

Сомнительно оправдывать это малочисленностью инвентаря. Вероятней проявление другой культурной направленности в рамках одного технокомплекса (Борзияк, Коваленко 1987). Согласно типологическому анализу материалов памятников Нижнего Днестра, проведенному В.Н.Станко (1980, 1982, 1989), не исключена возможность обособления линии развития тра-

диций Зеленого Хутора, ориентированной через ряд последовательных ступеней, включая Каменку, Усатово, Калфу и т.д. В обобщенном виде здесь заметно больше архаичных форм и отдельных типов орудий ранней поры верхнего палеолита, сравнительно сильнее, но менее разнообразно выражен граветтоидный микрокомплекс. Продолжение традиций этой группы памятников просматривается в материалах Чобручей (рис.1:10), где серия микроизделий достигает 33,8% из выборки орудий с преднамеренно заданной формой, что отчасти сближает её с Большой Аккаржей (рис.1:28; Григорьева 1967).

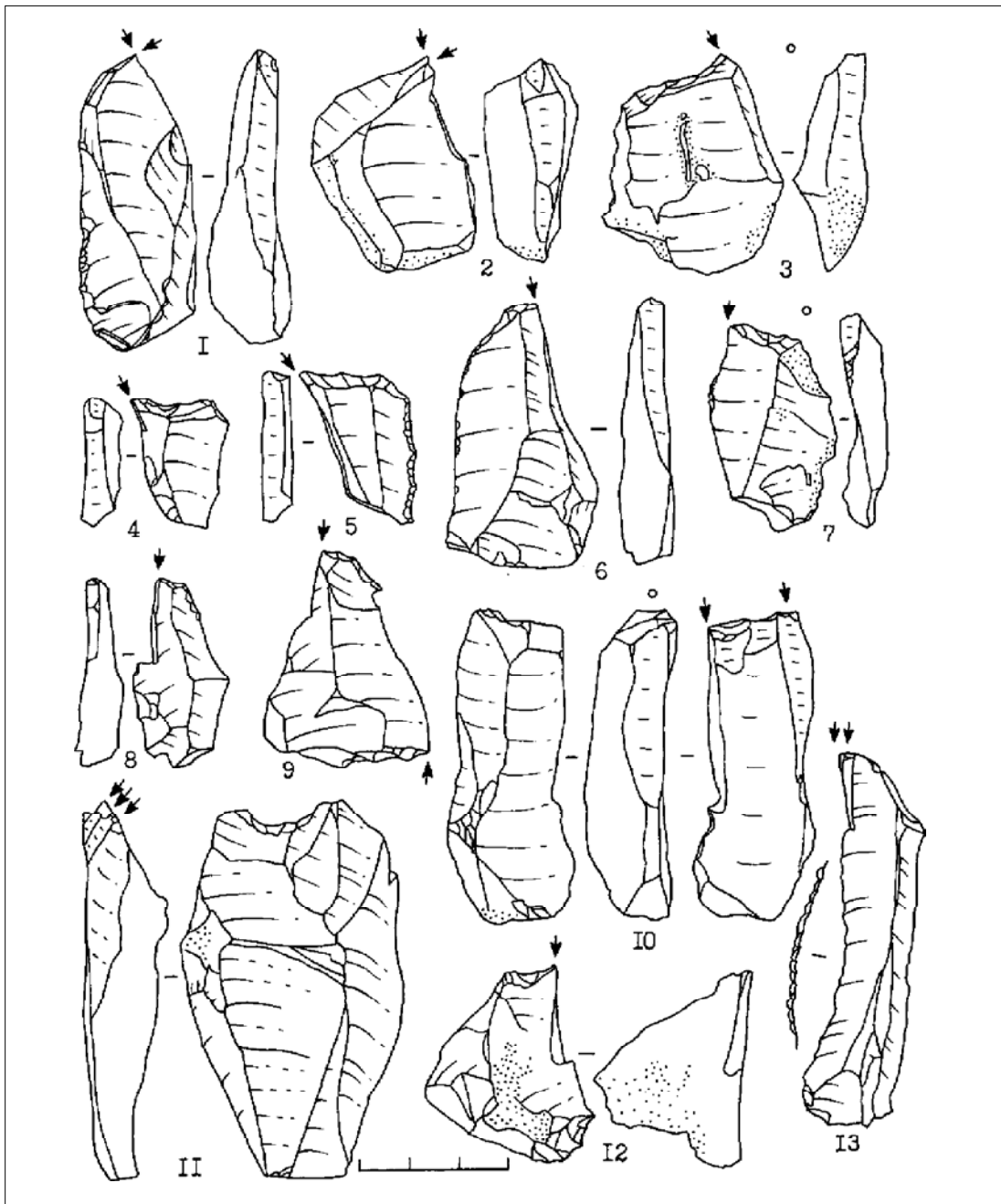

Рис.14. Косоуцы. Кремневые изделия из слоя 4.

Граветтоидный технокомплекс

Анализ различных вариантов культурного взаимодействия и направления передачи специфических технических традиций, начиная от самых ранних граветтоидных памятников Поднепровья, предполагает рассмотрение связи между памятниками молодой культуры и группой стоянок, расположенных к югу и юго-восто-

ку от её ареала. Негативные явления в период максимально холодной стадии ошастковского оледенения, частично затронувшие Среднее Приднепровье (Иванова 1977:167), предопределили резкое сокращение числа известных стоянок этого периода, что допускает перемещение части населения к Нижнему Днестру.

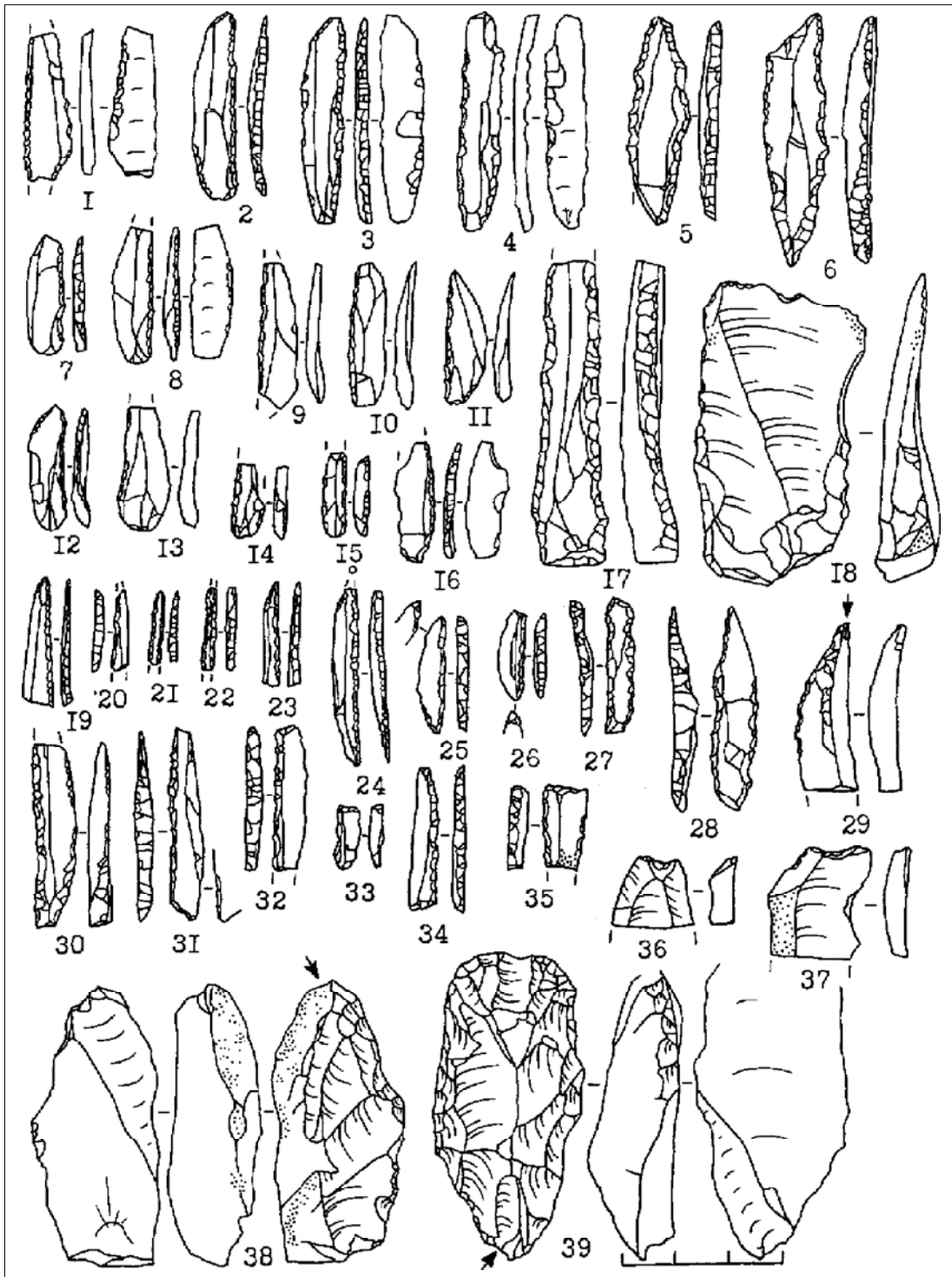

Рис. 15. Косоцы. Кремневые изделия из слоев 7 (1-16), 4 (17-37), 6 (38,39).

Старые технические и культурные традиции молодовской культуры в новых условиях, в частности, при использовании иных сырьевых источников, не могли быть востребованы в полной объёме. Видимо, этим объясняется потеря культурного своеобразия более ранних памятников, а в некоторых случаях и невыразительность орудийного набора. Исходя из типологического облика инвентаря, структурного соотношения основных групп орудий, особенностей техники первичного расщепления и характера используемых заготовок, представляется допустимым проведение отдельных аналогий между слоем 7 Молодова V, средним слоем Бабина I, нижними верхнепалеолитическими слоями Кормани IV (рис.1:14; Черныш 1959, 1977, 1987) и группой более южных стоянок, такими как Чулуешты на р.Реут (рис.1:6; Кетрару 1965; Borzias, Chetaru 1995), Реча на

р.Икель (рис.1:7; Кетрару 1989), слои 7-8 Владимировки на р.Синюха (рис.1:24; Черныш 1953), Йоржница, Курешница (рис.1:2; Григорьева 1975), слои 14-17 Косоуц (рис.1:3; Borzias 1993). По отдельным признакам группа молодовских памятников также соотносится с Замостьем I на р.Черемош (рис.1:12; Ambrojević, Porović 1938), Рашковым VIII и верхним слоем Климауц II.

Возраст большинства этих стоянок относительно, но ряд наблюдений указывает на их большую древность, чем позднеледниковье. Как правило, для них характерна типично призматическая техника скальвания, пластинчатая заготовка средних и крупных размеров, ведущая роль резцов, при отсутствии или сравнительно малом количестве микроорудий, преобладание срединных резцов, часто двойных и многофасеточных, использование приема оформления

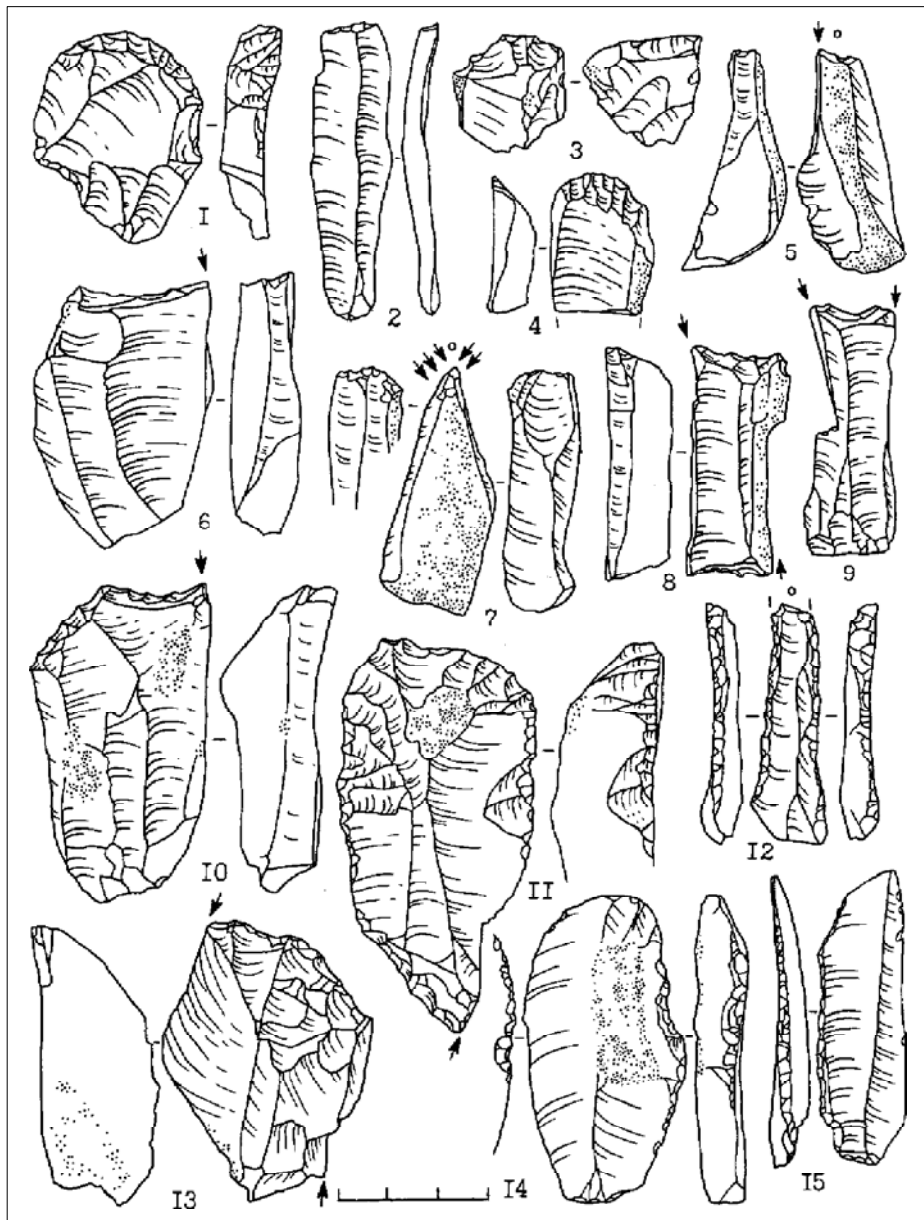

Рис.16. Косоуцы. Кремневые изделия из слоя 6.

нижнего конца орудий по типу двугранного реза, обязательное присутствие скребков на крупных длинных пластинах.

Наряду с этим, для Речи прослежено употребление интенсивной краевой ретуши, а в Чутулештах показательны орудия длиной до 10-12 см, серия симметричных острий, в том числе двуконечной на крупной пластине, пластинки с выемкой на конце, близкие к типу Ргани,

иглоподобное двуконечное микроострие с притупляющей ретушью по двум краям.

Стратиграфическая привязка нижних слоев (14-17) стоянки Косоуцы к отложениям, время аккумуляции которых соответствует осташковскому максимуму, согласуется со смешанным набором в составе их орудий. Общие черты, характерные для послемолодовских комплексов, дополняются в данном случае обычными

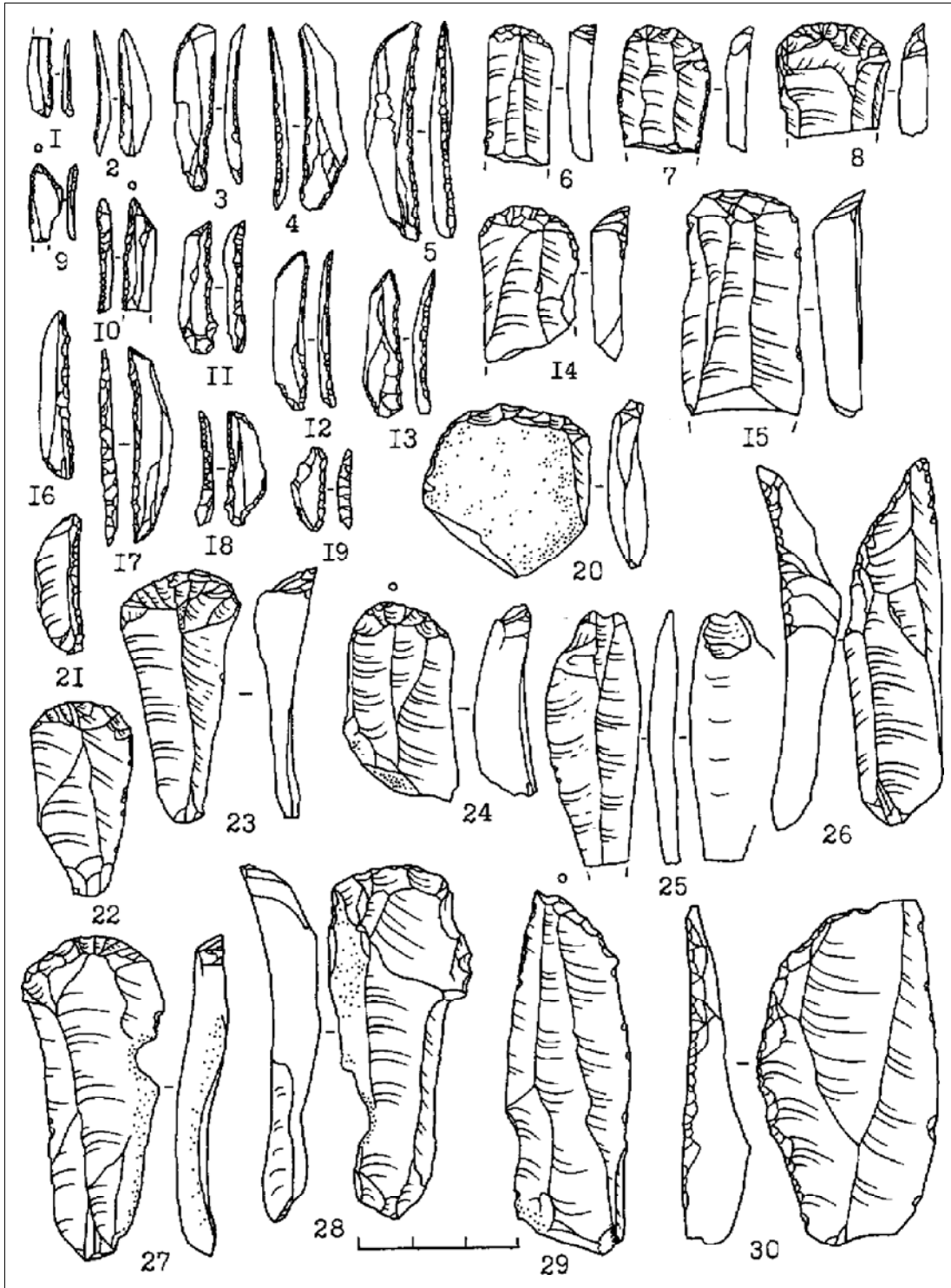

Рис. 17. Косоуцы. Кремневые изделия из слоя 8.

для слоя 7 Молодова V формами орудий — узкими микроостриями с приостренными концами, включая игловидное с обработкой по двум краям, и пластинами с подтёской концов. Однако, в этих же слоях найдены микропластинки со слегка вогнутой формой обработанного края, более крупные изделия с прямым или выпуклым притупленным краем, микроизделия с усеченными концами, а в 15 и 16 слоях — узкие прямоугольники. В индустрии нижних слоев начинают просматриваться черты новой совокупности культуруопределяющих признаков. Своим происхождением они обязаны как предполагаемому переносу части традиций молоддовской культуры, так и влиянию своих восточных соседей — формирующейся анетовской культуры (Станко, Григорьева, Швайко 1989; Смольянинова 1990) с богатым и разнообразным набором микроинвентаря, ретушных резцов и

костяных орудий.

Основная часть культурных слоев (6-12; по рабочей нумерации — 2Б, 2В, 3Б, 3, 3А, 4, 5) стоянки Косоуцы, соотносимых с заключительными фазами максимально холодной стадии осташковского оледенения, обладает своеобразием, достаточным для выделения самостоятельного варианта культуры (Коваленко 1993:14). Отметим его особенности, фиксируемые по материалам 6-12 слоев стоянки Косоуцы:

1. Грубопризматическая техника первичного расщепления, направленная на получение пластинчатых отщепов как ведущего типа заготовки. Сочетание неправильно-призматических ядрищ с ограниченным фронтом скалывания и более варибельных форм с уплощенной рабочей поверхностью, дополняемых тщательно огранными нуклеусами со снятиями по большей части периметра и зауженным нижним кон-

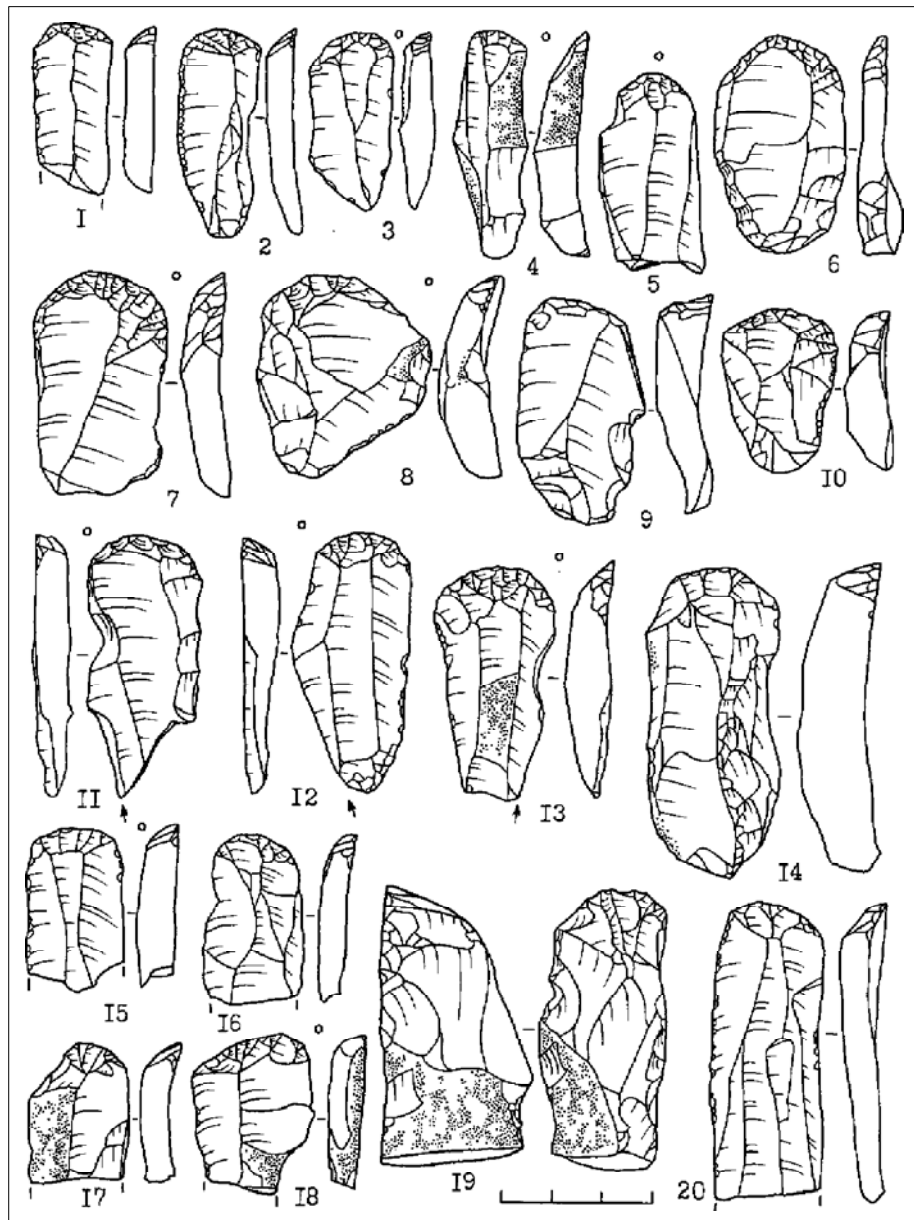

Рис.18. Атаки II. Кремневые изделия.

цом по типу клиновидного. Распространенность микролитических форм и вторичных ядрищ, предназначенных для снятия пластинок;

2. Приоритет резцов и микроизделий с притупленным краем в составе орудий, с возрастанием доли микроорудий к верхним слоям. Относительная малочисленность скребков, изделий с усеченным ретушью концом и проколов, малочисленность острий, предметов с чешуйчатой подтёской и архаичных форм;

3. Преобладание боковых резцов, прямо- и косоретушных, часто двойных, включая геометрические разновидности типа прямоугольников, параллелограммов (рис.16:8,9) и с дугообразно подработанным краем. Постоянное присутствие атипичных резцов на нуклеидных и аморфных сколах с широкими резцовыми кромками, иногда трудно отличимых от вторичных ядрищ, а также единичных многофасеточных, поперечных и плоских резцов (рис.15:38,39).

4. Стандартизация скребков на пластинчатых отщепках с субпараллельными или слабо расходящимися неретушированными краями, некоторые с обломанным основанием (рис.17:6-8). Редкость скребков со стрельчатым лезвием, с расходящимися к лезвию ретушированными краями, высокой формы, на ударных площадках заготовок и отсутствие двойных;

5. Большое количество микропластинчатых изделий (рис.17:1-4,7-16; 15:1-5,9-13,16-19), главным образом с крупной краевой ретушью, срезающей заготовку на всю или большую часть её толщины, нередко формирующей вогнутое очертание обработанного края. Характерно поперечное усечение концов, иногда сразу двух;

6. Разнообразие микроострий, прежде всего граветтоидного облика, на фоне которых наиболее значимы двуконечные на пластинках с вогнутым или прямым притупленным краем и приостренными концами, включая миниатюр-

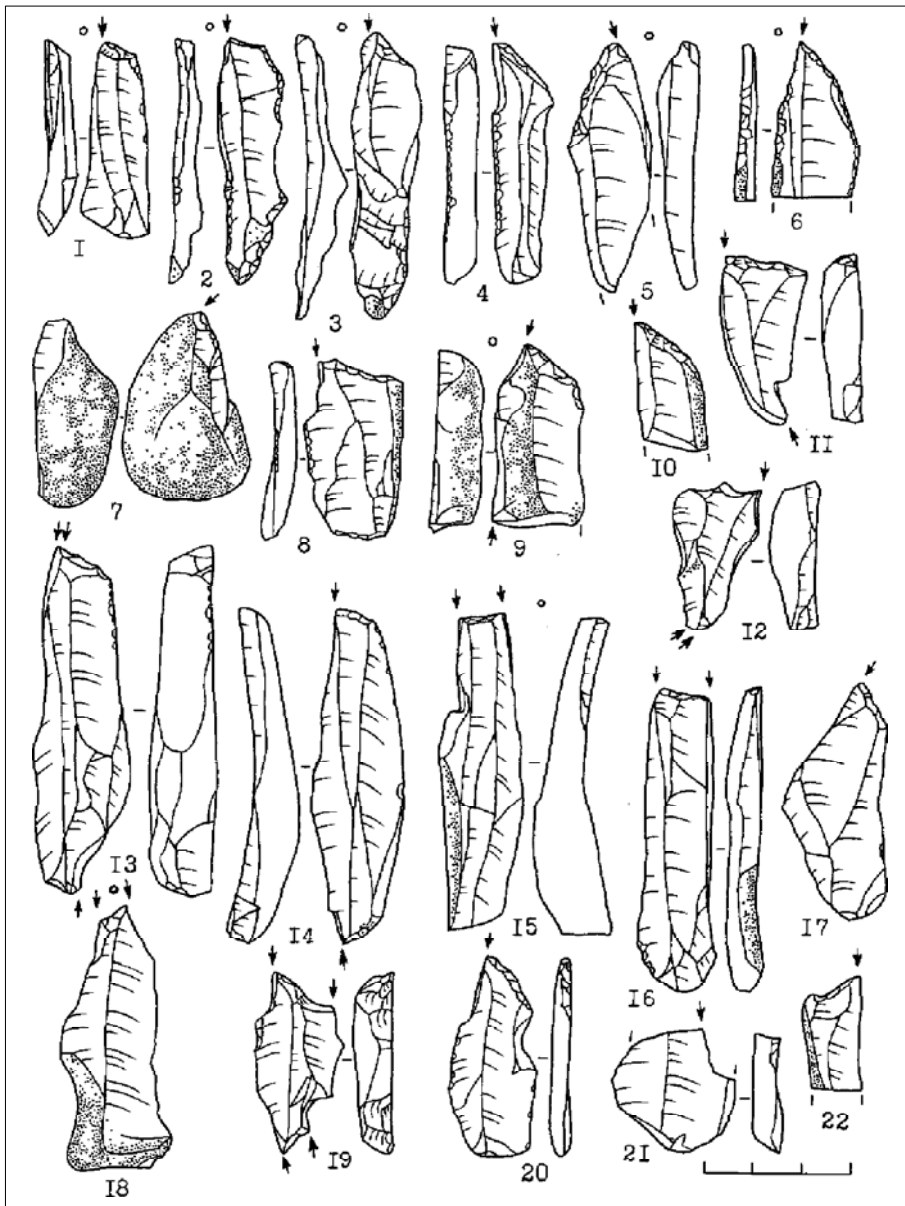

Рис.19. Атаки II. Кремневые изделия.

ные, длиной 1,5-2 см. Встречаются острия на пластинках с выпуклым притупленным краем, с частичной обработкой по двум краям, вытянутые треугольники с прямосрезанным основанием, микроострия близкие к абузовским, иглоподобные на узких микропластинках с двумя ретушированными краями, амвросиевские с вытянутыми жальцами и микропроколки. Вентральная подработка концов не характерна;

7. Показательны пластины с дугообразно

отретушированным краем, которые сочетаются с пластинами с усеченным ретушью концом (рис.17:26,29,30).

Дополнительно каждый слой имеет свою специфику. В слое 13 найден вытянутый треугольник, в 10-12 встречаются узкие прямоугольники, в 8 и 9 — пилочки и единичные долотоподобные изделия, в 9 — скребки высокой формы и боковые, в 7 и 8 — подклиновидные нуклеусы, а в 6 — скребки высокой формы в ком-

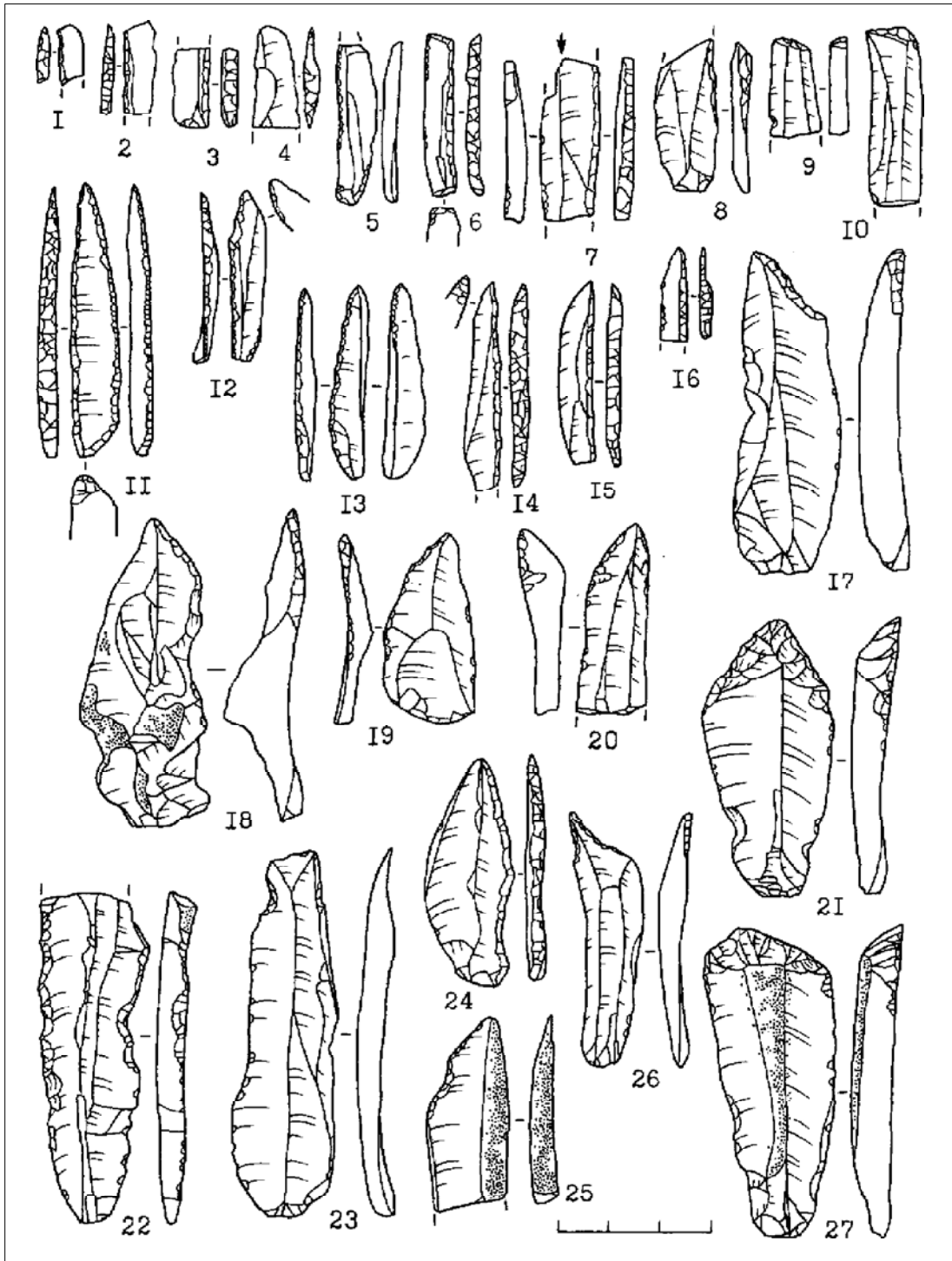

Рис.20. Атаки II. Кремневые изделия.

бинации с резцами (рис. 16:11,13), резцы с шипом и нуклеусы с круговой системой скалывания.

Сравнительный анализ орудийного набора 6-12 слоев стоянки Косоуцы свидетельствует об устойчивости связей между основными его компонентами. А это дает возможность сопоставлять с косоуцким вариантом любой другой инвентарный набор, содержащий группы орудий

в следующей последовательности (в порядке уменьшения их числа): боковые и нуклеидные резцы, граветтоидные микроострия и пластинки с крупной притупляющей ретушью, простые и укороченные скребки.

Индикатором на уровне типа может выступать двуконечное микроострие с вогнутым притупленным краем и подработанными концами, общая форма которого близка к сегменту

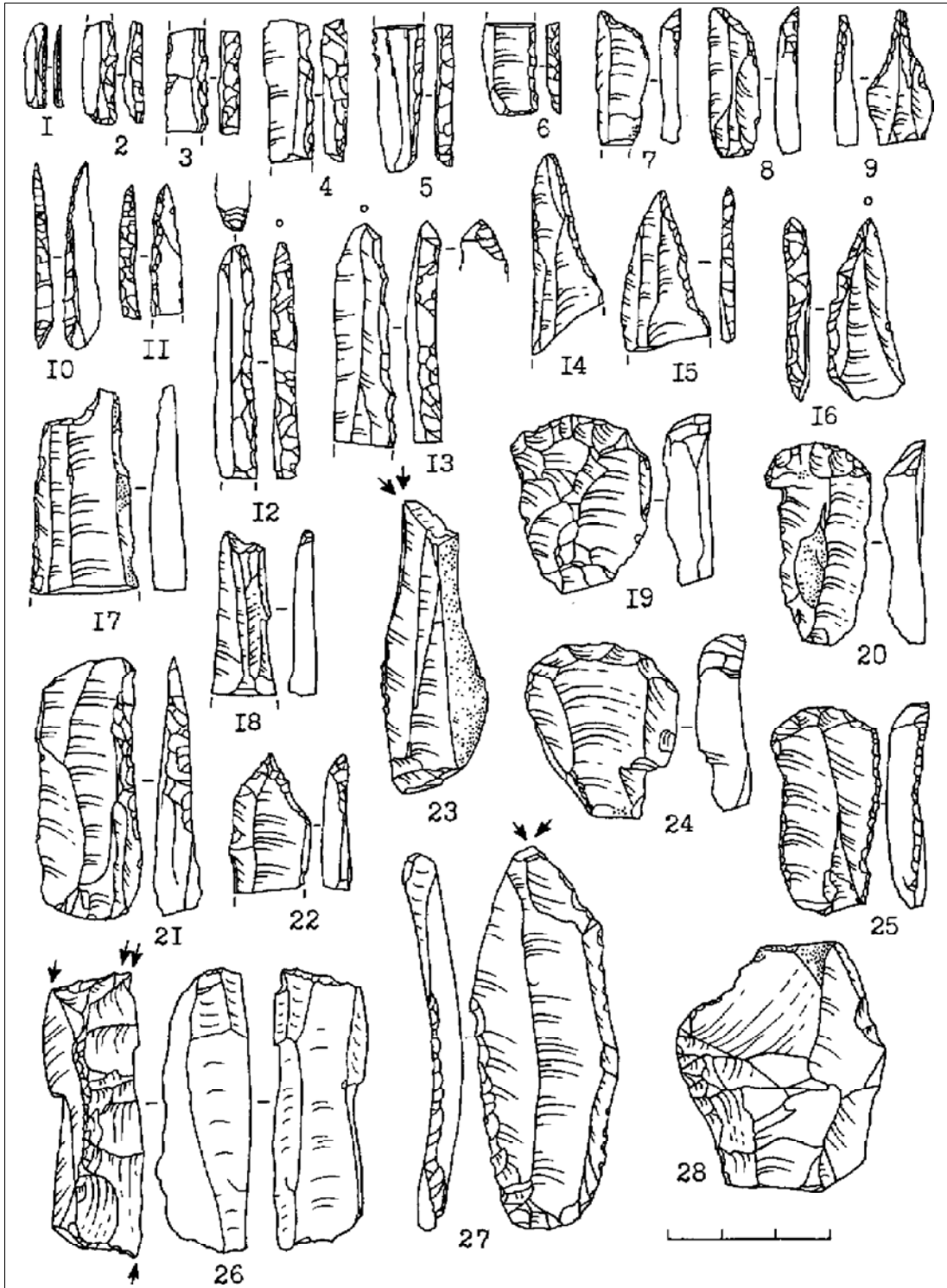

Рис. 21. Ваду-Рашков. Кремневые изделия.

(рис.17:5,17). В отличие от известных мезинских острий с ретушированными концами (Шовкопляс 1965), косоуцкий тип острий включает изделия на микролитичной пластине. Микроострия Анетовки II, отличающиеся удивительным разнообразием форм (Станко, Григорьева, Швайко 1989:47-52; Григорьева 1987:27-30), не дают сочетания на одном образце сразу четырех параметров: вогнутости обработанного края, приостренности двух концов, сегментовидности используемых пластинок, отличающихся ровным профилем. Шесть сравнительно близких предметов, обнаруженных нами при осмотре анетовской коллекции, разнятся от косоуцкого типа по выбору изогнутых в профиле микропластинчатых заготовок, излишней вытянутостью концов, которые не просто приострены (Станко, Григорьева, Швайко 1989, рис.24:48), но и частично выделены.

Любопытно частичное сходство косоуцких материалов с мезинскими. Самый же высокий показатель сходства мы наблюдаем с Анетовкой II. Для большинства памятников с такой высокой степенью сходства характерна однокультурность. В нашем случае это исключается и вероятно лишь указание на большую связь косоуцкого варианта с памятниками степной зоны. Отличием от Анетовки II можно считать значительно более низкий процент микроорудий и соответственно несколько больший по резцам, отсутствие серий разнообразных острий и орудий с чешуйчатой подтёской. Нет в Косоуцах и микроострий сагайдакско-мураловского типа и двойных скребков, не характерны скребки на ретушированных заготовках и срединные резцы. В свою очередь для Анетовки II не свойственны нуклевидные резцы и, в целом, использование аморфных и нуклевидных заготовок. Вместе с тем, не оставляет сомнений идентичность многих форм резцов, их боковых разновидностей, в том числе двойных и геометризованных, скребков, включая укороченные варианты, и микроорудий, в особенности граветтоидных и с ретушной подработкой концов. Представляется, что близость косоуцкого варианта к анетовскому сообществу определяется элементами родства, значительным влиянием, оказанным на раннем этапе формирования косоуцкой общности.

Отдельного рассмотрения заслуживают аналогии с позднемолодовскими памятниками. Главным образом, это касается слоев 1А и 2 Молодова V, Атак II, двух верхнепалеолитических слоев Молодова I, в которых представлена серия микроорудий (не менее 10%) и не столь характерны срединные резцы (до 10%). Ведущая роль резцов, как правило, боковых их разновидностей, многочисленность двойных, наличие нуклевидных, поперечных и с дугообразно ретушированным краем, указание на присутствие граветтоидных и аккаржанских острий, микроострий со слегка вогнутым притупленным

краем или приостренным концом, микропластин с крупной притупляющей ретушью и усеченными концами, нуклеусов неправильно-призматических (преобладают), примитивно-конических и уплощенных, сближает эти памятники с Косоуцами. Подчеркнем наличие узких прямоугольников в 10-12 слоях Косоуц и 2, 1А, 1 слоях Молодова V, широких прямоугольников в 5 слое этой же стоянки, и приема поперечного усечения микропластинок в верхних слоях Молодова I.

Прямое сопоставление косоуцких слоев с «поздними этапами развития молододовской культуры» (Борзаяк, Давид 1986; Bogziak 1993), действительно, во многом оправдано. Но такое сопоставление не должно восприниматься как однокультурность. Нельзя забывать о таких особенностях позднемолодовских памятников как широкое применение пластинчатых заготовок, иногда достигающих 7-9 см, все-таки высоком проценте двугранных резцов, меньшем разнообразии микроострий, присутствии в некоторых слоях пластинчатых острий и изделий с двумя усеченными концами, более развитом облике техники расщепления, при небольшом количестве дисковидных форм (Черныш 1982, 1987). Разница в объеме микроизделий (4-12% в позднемолодовских и 24-38% в косоуцких), отсутствие специфических косоуцких микроострий, делает такое сопоставление не столь однозначным. В то же время, нельзя полностью игнорировать тезис о вероятном влиянии косоуцкого варианта на формирование позднемолодовской культуры.

Многочисленные свидетельства специализации охотничьего промысла на северного оленя в косоуцких слоях и на позднемолодовских памятниках, предполагают вероятность передачи традиционных способов и предпочтительности в охоте на северного оленя от одних к другим, что нашло свое косвенное выражение и в орудийном наборе. Возможно, именно памятники типа Косоуц могут выступать в качестве промежуточного звена в цепи перехода от памятников молододовской культуры к позднемолодовской, восполняя пробел в молододовской колонке.

Из рассмотрения в рамках косоуцкого варианта умышленно выведена коллекция четвертого слоя Косоуц. Обладая сходным набором инвентаря, материалы этого слоя демонстрируют явное смещение акцента в структурной упорядоченности орудийного комплекса, появление новых типов изделий и усиление связей со степными памятниками типа Большой Аккаржи.

Типологический облик слоя 4 из Косоуц (Борзаяк, Коваленко 1989:21-29) определяется следующими особенностями:

* широким использованием нуклеусов с круговой системой скалывания, микронуклеусов для пластинок и двуплощадочных челновидных форм. Изменением соотношения в составе используемых заготовок. Если в слоях 6 и 9 они

представлены 37% отщепов, 20% пластин и 37% микропластин, то в слое 4 наблюдается соответственно 26, 25 и 38% используемых заготовок;

* возрастанием доли микроорудий (до 38,8%), среди которых главенствуют роль играют сечения и обломки микропластин с вертикально притупленным краем. Отмечается сохранение приема поперечного усечения концов микролитов, в том числе среди узких прямоугольников и вытянутого треугольника. Менее выражен специфический косоуцкий тип микроострий, вместе с тем четче моделированы игловидные и амвросиевские разновидности, микропроколки с выделенными головками и граветтоидные формы на пластинках, иногда с вентральной подработкой острия (рис.15:19-35);

* снижением процента резцов в составе орудий и обеднением их номенклатуры (рис.14), что не сказалось лишь на выборке нуклевидных форм, крайне сходных со вторичными нуклеусами. Использованием резцового скола в оформлении обушка ножевидных орудий;

* увеличением типологической дифференцированности скребков, изготавливаемых на краевых сколах, ретушированных отщепах и в меньшей степени укороченных пластинах. Серийностью скребков со слабо расходящимися к лезвию круто ретушированными краями на правильно ограниченных отщепах. Различным оформлением лезвий скребков, включая скошенные и прямые (рис.13:1-12);

* представительностью группы проколов с короткими и вытянутыми жальцами (рис.13:14-20). Появлением изделий с круто усеченными краями (рис.15:17,18), скошенными ретушью концами и небрежно подготовленными остриями. В целом, отличительными чертами слоя 4 Косоуц можно считать обилие ретушированных микроострий, узких прямоугольников, граветтоидных сечений микропластин, скребков с интенсивной краевой ретушью и укороченных пропорций, серийных проколов, боковых и нуклевидных резцов.

Помимо косоуцких коллекций, с памятниками позднемолодовской культуры сходны материалы стоянок Атаки II и Ваду-Рашков (рис.1:1,5). Они вполне совместимы с материалами слоев IA и 2 Молодова V, двух верхних палеолитических слоев Молодова I (Черныш 198 2, 1987). Совокупность этих памятников, составляющих первую подгруппу позднемолодовского сообщества, несколько разнится от другой, более аморфной подгруппы, представленной слоями 1, 3-5 Молодова V, «мезолитического» слоя Молодова I, Врублевцов и молдавским памятником — Атаками I (рис.1:1).

Отличие определяется размерами микрокомплекса (не менее 10% в первой подгруппе и 1-4% во второй), представительностью средних форм резцов (10-15% и 20-25% соответственно) и т.д. Типологический облик обеих подгрупп выражен слабее, тем не менее и он позво-

ляет выделять «ядро» наиболее типичных памятников в виде 2 и 5 слоев Молодова V и двух верхних палеолитических слоев Молодова I.

Сложившееся представление о цельности и специфичности позднемолодовской культуры находит подтверждение при сопоставлении с памятниками сопредельных территорий только по соотношению основных категорий орудийного набора и выбору исходной заготовки. Ее типологические особенности не столь четки. Сравнительный анализ определяет следующие черты позднемолодовской культуры:

* преимущественное использование пластинчатых заготовок средних и небольших размеров, получаемых с призматических и конусовидных нуклеусов с правильным ограничением, дополняемых вторичными и микролитическими ядрищами для скальвания микропластин, доля которых сравнительно мала;

* преобладание резцов (более 50%) в составе орудий, среди которых много боковых и двойных, включая геометрические формы и желобчатые резцы-стамески, в первой подгруппе, и равное соотношение основных типов резцов, во второй;

* развитый граветтоидный набор микроорудий, при относительно небольшом их количестве. Распространенность приёма поперечного усечения концов, особенно характерного для узких прямоугольников и вытянутых треугольников. Присутствие изделий с дугообразно отретушированной спинкой;

* обилие простых форм скребков, изредка со спрямленным, скошенным, стрельчатым лезвием или укороченным основанием. Ретуширование краев не характерно, но если оно встречается, то представлено на скребках с параллельными крутообработанными краями или же на коротких скребках с расходящимися к лезвию краями;

* обязательное присутствие группы пластин со скошенным ретушью концом или поперечно-выемчатым его оформлением, в отдельных случаях сочетающихся с пластинчатыми остриями.

Первоначально определяемые как культуроопределяющие типы — микроизделия с притупленным краем и поперечно усеченными концами (так называемые прямоугольники), в дальнейшем были обнаружены на ряде стоянок и за пределами днестровской зоны. Тем не менее, детальная проработка известных по публикациям и доступных для изучения изделий такого рода, свидетельствует о существовании по крайней мере трех их вариантов.

Широкие прямоугольники, подготовленные на пластинках, встречаются в Рашкове VII (Григорьева, Кетрару 1973), Дорохое (Chirica 1989), а также Пушкарях I (Борисковский 1953), Кайстровой Балке (Борисковский, Праслов 1964), верхнем слое Сюрени I (Векилова 1957). Намного чаще представлены узкие прямоугольники на микропластинах, например, в слоях 2-4

Кормани IV (Черныш 1977), Костештах (Григорьева, Кетрару 1983), Врублевцах (Кучугура 1985), Анетовке II, нижних слоях Косоуц и др.

Узко локализован только третий вариант прямоугольников — на сильно удлиненных микропластинках с правильным ограничением спинки, соотношение длины и ширины которых составляет 7 : 1. Находки таких прямоугольников имеются в слоях 1, 1А и 2 Молодова V (Черныш 1987, рис.35). Несколько более крупные формы таких изделий встречаются в слое 5 Чахлэу-Дырцу (Chirica 1989) и Каменных Балках (Борисковский, Праслов 1964), но без должного ретушного среза на всю толщину заготовки. Прямое сравнение допустимо лишь с серией микроизделий с крайне удаленной от нашего региона стоянки Яма (Неприна, Зализняк, Кротова 1986), обнаруженной в бассейне Северского Донца.

Какие-либо другие типы изделий («вытянутые треугольники», «удлиненные трапеции», «азильские острия») не могут претендовать на роль ключевого культуроопределяющего элемента, по причине своей варибельности и трудности определения. Проблематичность выделения «ведущих форм», культурная невыразительность резцов и скребков, составляющих до 2/3 всего орудийного набора, вынуждает обращать большее внимание на различие в структурном соотношении основных категорий и типов орудий. Отнесение позднемолодовской культуры к разряду граветтоидных (Аникович 1992) предполагает её связь с культурами южнорусских степей и субкарпатской лесостепной зоны. Однако, стоянки степной зоны по структурной упорядоченности своих орудийных наборов резко контрастируют с позднемолодовскими. Рассмотрение субкарпатских памятников Молдовы, по мнению Ал.Пэунеску (1984:261-262), допускает синхронизацию слоя 6 Бистричеара-Лутэрие, слоя 5 Чахлэу-Дырцу, слоя 2 Чахлэу-Бофу Мик и др. со слоями 1-3 Молодова V. Дополняя этот список взаимосвязанных между собой субкарпатских памятников, соотносимых с позднеледниковьем, слоями 3 и 5 Чахлэу-Подиш, Дорохоом, Топилэ, Удешть (Chirica 1989), остановимся на аргументах, вызывающих сомнение в правомерности их сопоставления с позднемолодовскими.

По нашему мнению, культурное сходство субкарпатских и позднемолодовских памятников проявляется в ограниченном наборе общих признаков, характерных для «восточного граветта» в целом. В орудийном наборе субкарпатских стоянок ведущие позиции занимают скребки и микроизделия, при меньшем числе резцов. При этом, большинство скребков выполнено на отщепах, включая массивные и килевидные, встречаются округлые, микролитичные или ногтевидные, изделия с интенсивной обработкой по двум краям. Развитость граветтоидного компонента, в отличие от позднемо-

лодовского комплекса, выражена намного сильнее, их ассортимент более разнообразен, значительно больше изделий с дугообразно отретушированной спинкой и микроострий с дополнительным приострением концов.

Рассматривая позднемолодовское сообщество с позиций наиболее вероятного «резервуара», способного вместить ряд граветтоидных памятников нашего региона, мы не должны ограничивать исследования, направленные на выявление самостоятельных археологических культур. Так, попадание таких молдавских стоянок, как Ваду-Рашков (рис.1:5), Атаки I и II (рис.1:1), в одно сообщество с хорошо изученной позднемолодовской культурой, должно активизировать исследовательский процесс на уровне детальных отличий между памятниками. В связи с этим, обратимся к характеристике инвентаря Ваду-Рашкова, Атак I и II.

В комплексе Атак I (Chetaru, Covalenco 1991:51-58) отчетливо выражен тип конусовидного нуклеуса со снятиями по большей части периметра, достаточно много вторичных ядрищ. В численно преобладающей группе резцов наблюдается равное соотношение основных форм, при обособленности двугранных, иногда с уплощенными многофасеточными лезвиями или интенсивной краевой ретушью по двум краям. У большинства скребков моделировано спрямленное лезвие, единичны экземпляры высокой формы и с крутой ретушной обработкой краев. Редки изделия с притупленными краями и пилки, присутствуют пластина с подтёской и обломок бифаса с выпуклым основанием.

Коллекция Атак II (рис.18-20), при общем сходстве техники первичного расщепления с Атаками I, содержит конусовидные нуклеусы со снятиями по торцу и группу микронуклеусов (Chetaru, Covalenco 1991:60-73). Среди многочисленных резцов выделяются поперечные, в том числе супоневские с краевой выемкой, а среди скребков — два нуклевидных, один из которых узких вытянутых пропорций. Четко моделированы стрельчатые скребки. Микрокомплекс включает узкий прямоутольник, вытянутый треугольник и граветтоидные острия с вентральной подработкой. Имеются пилочки и пластинчатые острия.

Особенностью материалов Ваду-Рашкова (рис.21) можно считать серию мелких пластинчатых острий с крутой ретушной обработкой одного из краев, микроострий с прямым ретушным срезом на всю толщину относительно массивной заготовки, с дополнительной плоской вентральной подправкой лезвия, а также игловидных экземпляров с выпукло отретушированным краем. Учитывая смещенность Ваду-Рашкова к нижней части Среднего Поднепровья, развитость граветтоидного набора, распространенность острий, изделий со скошенными концами, мы не можем настаивать на его связи только с позднемолодовским центром.

Заключение

Сопоставление и анализ данных, накопленных к настоящему времени по верхнепалеолитическим памятникам днестровской зоны Молдавии, позволяет рассматривать процесс культурно-исторического развития в регионе на основе контакта двух крупных технико-типологических формирований, какими являются ориньякоидный и граветтоидный технокомплексы. Внутри первого из них намечается культурно-генетическая преемственность от нижнеднестровской археологической культуры (Климауцы I, Зеленый Хутор I и II) по двум направлениям: от Климауц I к нижнему, а затем верхнему слою Климауц II, с продолжением в Рашкове VIII и VII, и от Зеленого Хутора II к Каменке, Усатово и Калфе. Потеря культурной специфики ранних памятников на среднем звене развития (Климауцы II) определяется влиянием носителей традиций молодовской культуры, вынужденных рассредотачиваться в условиях усиления стадийного похолодания.

К концу раннеосташковского времени наблюдается проникновение представителей центрально-европейского круга памятников типа Сагайдака в зону южно-русских степей. В Приднестровье происходит наложение пришлых ориньякоидных традиций на местную индустрию, функционирующую в пределах того же технокомплекса. Результатом этого процесса ста-

ло образование оригинальной рашковской культуры с развитым ориньякоидным набором инвентаря.

Иной путь развития верхнего палеолита в днестровской зоне отражен в материалах памятников граветтоидного технокомплекса. Наиболее ранние из них предшествуют максимально холодной стадии осташковского оледенения. К началу этого периода наблюдается сокращение числа известных стоянок в ареале распространения молодовской археологической культуры и предполагаемый отток населения в южную часть Среднего Приднестровья, в долины рек Реута, Икели, других притоков Нижнего Днестра. Перемещение на новые территории носителей традиций молодовской культуры сказалось на неадекватном воспроизведении её особенностей. Это подтверждается маловыразительностью культурного облика памятников типа Йоржницы, Курешницы, Чутулешт, Речи и др.

Наследование ряда черт молодовского сообщества наблюдается в косоуцком варианте культуры, испытавшем на стадии формирования и последующего развития сильное влияние носителей анетовских культурных традиций. Продолжение граветтоидных традиций можно проследить в своеобразии позднемолодовской археологической культуры, к которой близки памятники типа Атак I и II, Ваду-Рашкова.

Таблица 1.

	Общий объём коллек- ции	Орудия	Резцы	Скреб- ки	Пластинки ретуширо- ванные	Микро- острия ретуширо- ванные	Ост- рия	Про- кол- ки	Изделия с усечён- ным концом	Изде- лия с подтё- ской	Плас- тины с рету- шьё
Атаки I	1 109	124	60	17	1	1	4	1	2	1	8
Атаки II	2 749	185	92	37	10	6	5	1	3	-	29
Йоржница	4 078	181	49	48	3	4	8	-	-	4	39
Косоуцы, сл. 4	2 558	111	24	28	3	2	5	-	-	-	14
Курешница	18 322	229	52	26	64	25	5	7	4	-	24
Косоуцы, сл. 6	12 425	328	106	22	77	46	8	-	1	-	30
Косоуцы, сл. 7	767	32	4	2	18	2	-	-	-	-	4
Косоуцы, сл. 8	10 907	163	49	49	17	16	1	-	4	1	17
Косоуцы, сл. 9	35 462	482	195	37	89	60	10	5	17	1	60
Климауцы I	3 680	519	37	46	3	-	10	-	-	3	144
Климауцы II, сл. 1	4 503	232	92	28	3	-	1	-	4	3	89
Климауцы II, сл. 2	597	66	27	13	1	-	1	-	-	3	13
Ваду-Рашков	7 013	150	52	26	13	5	6	1	6	-	30
Рашков VII	51 212	2 407	759	1 043	115	27	32	36	22	8	278
Рашков VIII	8 770	763	282	113	33	7	10	3	-	6	189
Калфа	1 911	113	24	32	16	-	1	1	3	1	14
Чобручи	11 360	475	53	97	79	19	13	2	13	4	65

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникович М.В. 1992. Граветтоидный путь развития, граветтоидные археологические культуры и проблема «граветтоидного эпизода» // Северо-Западное Причерноморье. Ритмы культурогенеза. Одесса. С.15-17.
2. Анисюткин Н.К. 1969. Мустьерская стоянка Стинка на Среднем Днестре // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. II. Л. С.5-17.
3. Анисюткин Н.К. 1977. Об археологических культурах мустье (по материалам Приднестровья) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. С.5-9.
4. Борзьяк И.А. 1981. Верхнепалеолитическая стоянка Климауцы I на Среднем Днестре // Археологические исследования в Молдавии в 1974-1976 гг. Кишинев. С.3-24.
5. Борзьяк И.А. 1983. Поздний палеолит Днестровско-Карпатского региона // Первобытные древности Молдавии. Кишинев. С.33-64.
6. Борзьяк И.А. 1997. Некоторые типологические элементы костенковско-виллендорфского единства в позднем палеолите Поднестровья // Vestigii arheologice din Moldova. Chisinau. С.11-18.
7. Борзьяк И.А., Давид А.И. 1986. Позднепалеолитическая стоянка Косоуцы // Антропоген и палеолит Молдавского Приднестровья. Кишинев. С.130-137.
8. Борзьяк И.А., Коваленко С.И. 1987. Новые данные о позднем палеолите Нижнего Поднестровья // Молдавское Поднестровье в первобытную эпоху. Кишинев. С.16-41.
9. Борзьяк И.А., Коваленко С.И. 1989. Поселение слоя 1 многослойной палеолитической стоянки Косоуцы на Среднем Днестре // Археологические исследования в Молдавии в 1984 г. Кишинев. С.16-32.
10. Борзьяк И.А., Давид А.И., Обаде Т.Ф. 1992. Климэуц II — верхнепалеолитическая стоянка с мамонтовой фауной в Поднестровье // Anuarul. I. Chisinau. С.75-94.
11. Борисковский П.И. Палеолит Украины // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып.40. 463 с.
12. Борисковский П.И., Праслов Н.Д. 1964. Палеолит бассейна Днепра и Приаловья // Свод археологических источников А1-5. М.-Л. 54 с.
13. Векилова Е.А. 1957. Стоянка Сюрень I и её место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып.59. С.235-323.
14. Григорьев Г.П. 1970. Верхний палеолит // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып.166. С.43-63.
15. Григорьева Г.В. 1967. Большая Аккаржа и её место среди позднепалеолитических памятников юга СССР. Вып.3. С.86-90.
16. Григорьева Г.В. 1975. Позднепалеолитические памятники междуречья Днестра и Прута // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Киев. С.20-22.
17. Григорьева Г.В. 1980. Некоторые итоги изучения позднего палеолита в Молдавии // Первобытная археология — поиски и находки. Киев. С.71-82.
18. Григорьева Г.В. 1987. Некоторые микролитические орудия из позднепалеолитической стоянки Анетовка II // Краткие сообщения института археологии. Вып.189. С.27-32.
19. Григорьева Г.В., Кетрару Н.А. 1973. Исследования палеолитических стоянок Рашков VII и VIII // Археологические исследования в Молдавии в 1970-1971 гг. Кишинев. С.15-26.
20. Иванова И.К. 1977. Геология и палеогеография стоянки Кормань IV на общем фоне геологической истории каменного века Среднего Приднестровья // Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV. М. С.126-181.
21. Кетрару Н.А. 1965. Палеолитическая стоянка Чутулешты I // Известия АН МССР. Серия общественных наук. №12. Кишинев. С.53-61.
22. Кетрару Н.А. 1969. Исследования палеолита в Молдавии // Известия АН МССР. Серия биологических и химических наук. №2. Кишинев. С.71-76.
23. Кетрару Н.А. 1973. Памятники эпох палеолита и мезолита // Археологическая карта МССР. Вып.1. Кишинев. 177 с.
24. Кетрару Н.А. 1989. Палеолитическая стоянка Реча в Кодрах // Археологические исследования в Молдавии в 1984 г. Кишинев. С.3-16.
25. Коваленко С.И. 1993. Поздний палеолит Молдавского Приднестровья. Автореф. ... канд.ист.наук. С.Петербург. 19 с.
26. Красковский В.И. 1978. Памятники палеолита и мезолита Северо-Западного Причерноморья. Киев. 68 с.
27. Кучугура Л.И. 1985. Каменный век поселения Врублевцы (Среднее Приднестровье) // Бюлл.комис.по изуч.четвертичного периода. Вып.54. М. С.66-80.
28. Неприна В.И., Зализняк Л.Л., Кротова А.А. 1986. Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев. 223 с.
29. Рогачев А.Н., Аникович М.В. 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М. С.162-272.
30. Сапожников И.В. 1987. Поздний палеолит степей Нижнего Приднестровья. Автореф.дисс. ... канд.ист.наук. Л. 16 с.
31. Сапожников И.В. 1994. Палеолит степей Нижнего Приднестровья. Часть 1. Одесса. 79 с.
32. Сапожников И.В. 1995. Причерноморские степи в позднем палеолите — природо-хозяйственная и культурная специфика // Хозяйство и культура населения Южного Побужья в позднем палеолите и мезолите. Одесса — С.Петербург. С.149-176.
33. Смольянинова С.И. 1990. Палеолит и мезолит Степного Побужья. Киев. 108 с.
34. Станко В.Н. 1980. Поздний палеолит и сложение мезолита в степях Северо-Западного Причерноморья // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. Киев. С.5-21.
35. Станко В.Н. 1982. Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. Киев. 173 с.
36. Станко В.Н., Григорьева Г.В. 1977. Исследование памятников каменного века на р.Ингуле // Древности Поингуля. Киев. С.37-51.
37. Станко В.Н., Григорьева Г.В., Швайко Т.Н. 1989. Позднепалеолитическое поселение Анетовка II. Киев. 140 с.
38. Черниш О.П. 1953. Володимирівська палеолітична стоянка. Київ. 76 с.
39. Черныш А.П. 1959. Поздний палеолит Среднего Приднестровья // Труды ком.по изуч.четв.периода. Т.XV. С.5-214.
40. Черныш А.П. 1977. Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV и её место в палеолите //

- Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV. М. С.7-77.
41. Черныш А.П. 1982. Многослойная палеолитическая стоянка Молодова I // Молодова I. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре. М. С.1-188.
42. Черныш А.П. 1987. Эталонная многослойная стоянка Молодова V. Люди каменного века и окружающая среда. М. С.7-93.
43. Шовкопляс И.Г. 1965. Мезинская стоянка. Киев. 326 с.
44. Ambrojevici C., Popovici R. 1938. Zamostea I am Ceremos, eine jungpalaolitische Fundstelle Nord-Rumaniens // Dacia. V-VI. Bucuresti. P.23-39.
45. Amirhanov H., Anikovich M., Borziak I. 1993. Probleme de la transition du mousterien au paleolithique superieur sur le territoire de la plaine Russe et du Caucase // L'Anthropologie. T.97, n.2/3. P.311-330.
46. Borziak I. 1993. Les chasseurs de renne de Kosoioutsy, site paleolithique tardif a plusieurs niveaux, sur le Dniestr moyen // L'Anthropologie. T.97, n.2/3. P.331-336.
47. Borziak I., Chetaru N. 1995. Statiunea din paleoliticul superior Ciutulesti I // Arheologia Moldovei. XVIII. Bucuresti. P.95-113.
48. Brudiu M. 1980. Prelucrarea oaselor si coarnelor de ren in asezarea paleolitica de la Cotu Miculinti (jud.Botosani) // Studii si cercetari de istorie veche. V.31, n.1. Bucuresti. P.13-22.
49. Chetaru N., Covalenco S. 1997. Asezari paleolitice de langa oraselul Otaci // Tyragetia. IV-V. Chisinau. P.49-79.
50. Chirica V. 1989. The Gravettian in the East of the Romanian Carpathians. lassy. 240 p.
51. Chirica V., Borziak I., Chetaru N. 1996. Gisements du paleolithique superieur ancien entre le Dniestr et la Tissa. Iasi.
52. Krukowski S. 1939. Paleolit Polski: Osobno odbicie z Encyklopedii Polskiej. T.4, cz.1. P.3-117.
53. Morosan N. 1938. La station paleolithique de grotte de Stanca Ripiceni // Dacia. V-VI. Bucuresti. P.1-22.
54. Paunescu A. 1984. Cronologia paleoliticului si mesoliticului din Romania in contextul paleoliticului central, est si sud European // Studii si cercetari de istorie veche. V.35, n.3. P.235-266.